

КУЛЬТУРА

Духовное пространство русской Евразии

9 – 15 июня 2017 года № 20 (8053) Издаётся с 1929 года

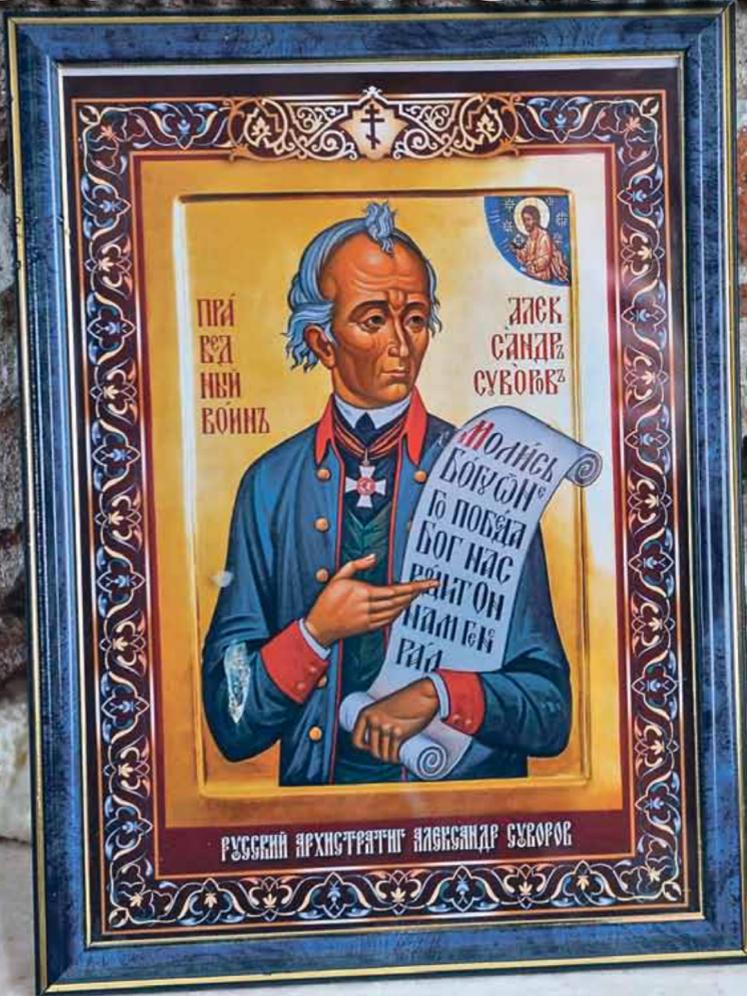
ФОТО: СЕРГЕЙ ПИТАКОВИЧ/РИА НОВОСТИ

Карен Шахназаров: чего хочет женщина

www.portal-kultura.ru

Несвятые? Святые?

Икона святого Александра Суворова в церкви во имя Святого Василия Великого в селе Кистыш Владимирской области

Андрей САМОХИН

Канонизация давно уже перестала быть внутрицерковной проблемой: «кандидатов» в святцы обсуждают и за стенами храмов. Решение принимает Синод, однако дискуссии идут жаркие. Список тех, к кому верующие хотя бы обращают молитвы, известен: это архимандрит Псково-Печерского монастыря прозорливый старец Иоанн Крестянкин, воин-мученик Евгений Родионов, убитый фанатиками за отказ снять крест, «московский утешитель» протоиерей Валентин Амфитеатров, старец Николай Гурьянов. Но особняком стоит великий русский полководец Александр Суворов.

Тема причисления Александра Васильевича к лику общероссийских святых исподволь и по нарастающей поднимается давно. Она берет начало в 2001 году, когда был канонизирован адмирал Федор Ушаков. Впрочем, в свое время еще философ и поэт Владимир Соловьев недоумевал, чем генералиссимус в этом смысле хуже князей — защитников земли русской Александра Невского и Дмитрия Донского.

В 2008-м на Рождественских чтениях православный публицист и давний друг нашей газеты Виктор Саулкин сделал на эту тему обстоятельный доклад с доводами «за». В 2010-м участники конференции Союза суворовцев, нахимовцев и кадет, проходившей в Москве, направили прошение о канонизации Александра Суворова на имя патриарха Кирилла. На Кубани была создана общественная организация в поддержку прославления: сбор материалов в Синодальную комиссию по канонизации святых давно ведется в Свято-Тихоновском гуманитарном университете и Мемориальном музее великого полководца в Санкт-Петербурге.

ФОТО: СЕРГЕЙ ПИТАКОВИЧ/РИА НОВОСТИ

В номере:

- Зимовье людей
- От глобальной деревни не спрятаться
- Бывали хуже времена
- Уроки сочувствия
- «Авторское право» 7

Худсовет для Крыма-2

Елена Ямпольская — о III Международном Ливадийском форуме 2

Дорога, ведущая к музею

2

Богословом быть обязан

Интервью с протоиереем Павлом Хондзинским 5

А кумир-то голый

«Жанлу Сьефф. Мэтр высокого стиля» на Остоженке 6

Ваше место в плацкарте

Спектакль «Боюсь стать Колей» на Новой сцене МХТ 9

Государственный выбор

Президент России Владимир Путин подписал указ о присуждении Государственных премий за 2016 год в области литературы и искусства. Имена лауреатов огласил в Кремле советник президента Владимир Толстой. Торжественная церемония пройдет 12 июня в Большом Кремлевском дворце.

Высокой награды удостоен композитор Эдуард Артемьев за вклад в развитие отечественного и мирового музыкального искусства. За выдающийся вклад в развитие отечественного и мирового хореографического искусства премия присуждена балетмейстеру Юрию Григоровичу.

За вклад в сохранение отечественного и мирового культурного наследия награды также удостоены генеральный директор Государственного Эрмитажа Михаил Пиотровский.

«Три индивидуальности, широко известные далеко за пределами нашей страны, люди в почтенном на общечеловеческий взгляд возрасте, но, что для нас особенно важно, все трое продолжают активно работать в своих сферах», — отметил Толстой.

Кроме того, Госпремия за выдающиеся достижения в области гуманитарной деятельности 2016 года присуждена Даниилу Гранину.

Эту награду Владимир Путин вручил писателю лично еще 3 июня в Санкт-Петербурге, где российский лидер находился с рабочей поездкой для участия в Петербургском международном экономическом форуме.

Михаил Горшков: «Несправедливость и бедность ощущаются одинаково остро»

ФОТО: ВАСИЛИЙ БАТАНОВИЧ/РИА НОВОСТИ

Михаил БУДАРАГИН

Социальная многоуровневость России, избыточная бедность и несправедливое богатство, проблемы занятости — об этом газета «Культура» поговорила с директором Института социологии РАН, академиком РАН Михаилом Горшковым. Известный ученый полагает, что одна из ключевых проблем, с которыми столкнулась страна, — снижение качества решений, принимаемых на всех уровнях управления.

культура: Начнем с очевидного. Последние годы мы много обсуждали общественный консенсус, который сложился после возвращения Крыма. Существует точка зрения, что он подходит к концу. Это так или нет? Сплачивает ли полуостров Россию?

Горшков: Нужно правильно определить предмет оценки. Мы оцениваем историческую значимость воссоединения Крыма с Россией — это один ракурс. Вряд ли те 95% наших сограждан, которые поддержали акт исторической справедливости, изменят свою позицию. Это абсолютно очевидно.

И Ленин — такой парадокс

Дарья ЕФРЕМОВА

Пять лет поисков в архивах, путешествия по местам ссылок, без малого восемь сотен страниц, эпиграф из Гегеля, «заливисто-заразительное «хахахахаха» в финале. Монография, рассказывающая о вожде мирового пролетариата подробно и увлекательно одновременно, оказалась не только в лидерах продаж, но и в шорт-листе «Большой книги». Обрушил ли Лев ДАНИЛКИН на голову читателя постмодернистский кирпич, или «Пантократор солнечных пылинок», вышедший в серии «ЖЗЛ», — первая за многие годы объективная работа о Владимире Ильиче? Обо всем этом «Культура» расспросила автора.

культура: Отвечая на вопрос о том, был ли в нашем позднесоветском пионерском детстве Ленин священной коровой, Вы сказали однажды, что, скорее, он числился неликвидом. Даже марки с ним на монгольские с Сухэ-Батором не обменивали. Чем же он привлек сейчас?

Данилкин: Ленин — парадокс. С одной стороны, это деятель, о котором написано больше книг, чем о ком-либо за всю человеческую историю, а я видел это «живьем», не в каталогах: тома уходили за горизонт.

ФОТО: ВЛАДИМИР АСТАПОВИЧ/РИА НОВОСТИ

ЗАШНУРОВАНЫ, ОКОЛДОВАНЫ
Выставка лидера группы «Ленинград» в Москве 6

ПРИНЦЕССА ТЕБЯ ДОГОНИТ
В прокате — очередная «Мумия» 8

УМОМ АГЕНТА НЕ ПОНЯТЬ
Третий сезон «Твин Пикса» 8

А ЛЮБОВЬ К РУДОЛЬФУ СБЕРЕГЛИ
Фестиваль балета имени Нуреева в Уфе 9

16 плюс

ISSN 1562-0379

9 771562 037001

Елена Ямпольская
депутат Государственной думы

Худсовет для Крыма-2

В Ялте состоялся III Международный Ливадийский форум, посвященный сохранению русского языка как краеугольного камня Русского мира. Пленарное заседание возглавила спикер Совета Федерации Валентина Матвиенко, и уже не в первый раз мне выпало поблагодарить Совфед за регулярно предоставляемую возможность высказываться по основополагающим, смыслообразующим вопросам нашей жизни.

Представителям обеих палат российского парламента особенно важно помнить: было, есть и вечно сохранится гигантское пространство человеческого бытия, которое не регулируется законами. Оно регулируется совестью. Понятие «совесть» в русской традиции неразрывно связано с культурой, прежде всего — с отечественной словесностью. Зачем нужно слово, если оно не несет правды и красоты?

Участники форума, двигаясь различными путями, сошлись в одной точке: Русский мир объединяет носителей не просто языка, но традиционных русских ценностей. А также обладателей традиционного русского характера, в сущности, очень ясного: мы можем вытерпеть все, если правда и красота есть, и начинаем гнить духом в их отсутствие.

Как искусствовед по образованию, человек, всю жизнь занимающийся культурой, подлинно наблюдением: культурный механизм работает строго логически. В зенит поднимаются те виды и жанры искусства, которые на данный момент отвечают душевным потребностям народа. Скажем, всплеск интереса — после долгих лет небрежения — к хоровому пению совпал с острым запросом на то, что мы торжественно именуем «соборностью». Когда стало очевидно, что идеология «выживай в одиночку, будь успешен любой ценой», навязанная и на какое-то время обаявшая наше сознание, чревата гибелью нации. Буквально — исчезновением России с карты мира.

Не будь такой потребности снизу — делать что-то вместе, сообща приумножать красоту и гармонию, — усилила властью по популяризации «общественно полезного» творческого направления пропали бы незамеченными.

Сейчас, на мой взгляд, крепнет еще один страстный народный запрос — вернуть доверие к слову. Доверие, утраченное катастрофически, ибо слишком часто власть, СМИ, так называемые «звезды», а равно большинство пользователей соцсетей нарушали и продолжают нарушать то самое святое правило «Зачем нужно слово, если оно не несет правды и красоты?». Пустой корявый шлак, мегатонны вербальной руды, производимые на всех уровнях государства и общества, теснят, давят, не дают дышать, и на этом фоне всякий намек на якобы правду,

любая подделка под красоту могут соблазнить истосковавшихся граждан. Приходит очередей жепророк, уводит за собой людей, а на нашем берегу удивляются: почему заученный бубнеж про патриотизм и нравственность не имеет успеха. Надо же, какой у нас народ твердокаменный! Да не твердокаменный. Напротив. Болезненно чувствительный к слову.

Крайние формы англо-мании в современном русском языке (о чем с поразительной гуманитарной подкованностью и не менее поразительным для чиновника чувством говорила на форуме председатель Госсовета РК Владимир Константинов) — тоже способ шифрования пустоты. Слово, не имеющее для русского уха смысловой и эмоциональной нагрузки, освобождает от необходимости затрачивать душевно. Попробуйте разжать Крым на «квесты», «фуд-корты», «сан лаунжи» — и можете навсегда забыть про весну 2014-го.

Меня крайне беспокоит распространяемая нынче практика, когда главные проблемы страны доверяются узкому кругу «экспертов» — политологов, политтехнологов, и на каждую реальную боль они готовы предложить «технологическую» примочку. Самое поразительное — власть к ним прислушивается. Налицо шукшинская проблема шаманизма — но уже не в отдельных районах Севера, а в самом центре страны.

Лично я глубоко убеждена: с русским человеком нельзя довериться при помощи технологий. Мы отвечаем доверием только на искренность и платим любовью исключительно за любовь. Технологии бессильны против варварства и жестокости. Технологией вы не погасите агрессию, не остановите отчаяние, не раскочаете апатию, не предотвратите дальнейшую маргинализацию общества. Это может сделать только слово подлинное, живое, горячее, попадающее прямо в сердце.

Форум, посвященный слову и языку, в Крыму естествен, как шум прибор: эта земля культуроцентрична, прежде всего — литературоцентрична, ее благоуханный шарм формировался, в первую очередь, интеллигентией. От благоухания, как и от интеллигентии, остались, впрочем, одни легенды: в копти чубуречных, под долбежку плебейского музона, среди распахнутых пивных и закрытых пляжных туалетов собирается совсем иная публика.

Летом 2014-го, после долгой паузы побывав в Коктебеле, я выразила ужас от увиденного авторской колонкой в «Культуре». Спустя три года, в Ялте, увы, пришлось повторить тезисы той статьи: украинизация Крыма равнялась его вулгаризации (к сожалению, со временем все труднее кивать на невяжущие самостийные управ-

ленцев); почва, пропитанная историей и культурой, превратилась в скопление гнусных забегаловок; Крым принесен в жертву пошлости и, прежде чем снова станет здравницей тела и духа, сам нуждается в исцелении.

Потому и рискнула я повторить в Ялте идею, впервые высказанную три года назад: надо сформировать художественный совет для Крыма, призвав ради спасения полуострова наиболее авторитетных, ярких, энергичных деятелей российской культуры. Разработать программу сохранения и эффективного использования крымского наследия, провести ревизию всех культурных мероприятий на полуострове (обоснованность, качество, что излишне, чего не хватает). Участвовать в достойном поддержании существующих и создании новых туристических маршрутов, контролировать состояние и установку памятников. Целеустремленно заниматься доступом детей. По возможности снять распри творческих союзов из-за бывших домов отдыха — это тоже одним чиновникам не под силу.

Необходимо наделить такой художественный совет правом рекомендательного, однако громкого голоса по вопросам прикладного использования и градостроительных решений. Как говорил основоположник славянофильства Алексей Хомяков: «То, что строится, должно иметь почтенность к тому, что выросло». Верно практически для любой точки, но для Крыма — вдвойне.

Таврида — воплощенная поэзия. Здесь даже классики отечественной прозы раскрывали самые поэтические стороны своей натуры; здесь можно и нужно учиться поэтичному отношению к жизни. Приехать в Крым — значит прикоснуться, а не попользоваться. Приехать в Крым — значит стать лучше. На это должна работать вся крымская инфраструктура, вся крымская экономика, ибо экономическое развитие (о чем мы постоянно забываем) — не самоцель, но инструмент для более полного раскрытия человеческой души.

Соединение Крыма с Россией в 2014-м породило сильнейшую душевную реакцию, в результате которой выделилось огромное количество человеческого тепла. Но время идет, романтический порыв неизбежно сталкивается с локальными разочарованиями, и все реалистичнее опасность, что тепло бесполезно уйдет в атмосферу. А оно должно двигать страну вперед.

Возвращение Крыма в состав России было грандиозной геополитической победой. Пора начинать готовиться к следующей победе — гуманитарной.

Глава республики Сергей Аксенов и Владимир Константинов идею худсовета для Крыма поддержали.

Дорога, ведущая к музею

Ксения ВОРОТЫНЦЕВА

Робот Клиоша, который скоро станет экскурсоводом, дискуссия о будущем огромной, сложно устроенной отрасли и ужин в компании с Рембрандтом — все это XIX Международный фестиваль «Интермузей 2017». Вопросы традиционно осталось куда больше, чем ответов.

За короткий срок место проведения, центральный выставочный зал «Манеж», посетили 42 тысячи человек. Самое интересное происходило на дискуссионных площадках, где специалисты со всего мира обсудили, какими станут хранилища будущего и почему человеку XXI века все-таки стоит отправиться к экспонатам.

Высокие отношения

Марк О'Нил, директор по вопросам политики и исследовательской деятельности Glasgow Life (организации, занимающейся проведением культурных и спортивных мероприятий), заметил: «Когда я больше 20 лет назад начинал работать в этой сфере, многие предрекали смерть музеям. Однако их число с тех пор только увеличилось». Действительно: институциям приходится выдерживать жесткую конкуренцию с кинотеатрами, концертными сценами, спортивными площадками. Самые успешные становятся популярными местами досуга, что подтверждают очереди на выставки. По мнению специалистов, сохранить позиции удается благодаря социальной миссии. Зельфира Трегулова, гендиректор Государственной Третьяковской галереи, объяснила:

— Сегодня у людей мало денег. И музеи фактически остаются последней демократической площадкой: билет в среднем стоит 300–500 рублей. Это лекарство для души, в котором агрессивное общество отчаянно нуждается. В 2013-м я присутствовала на российско-китайском форуме в Санкт-Петербурге. Выступал министр культуры КНР. Он рассказал, что у них в стране падают очереди к памятникам, интерес к своей истории заняли нишу, раньше принадлежавшую религии, а потом маоизму.

Подобное отношение позволяет некоторым видеть в музеях новые церкви — тем более сейчас, когда многие забыли дорогу к храму, но сохранили потребность в высоком. С этой концепцией можно спорить, однако запас общественного доверия действительно велик. Особенно в цифровую эпоху — ведь любую информацию можно подделать, как отменила Юлия Пагеля, генеральный секретарь Сети европейских музейных ассоциаций. В теперешней реальности музеи остаются местом с хорошей репутацией, где ведется научная работа и демонстрируются подлинники: это преимущество нужно использовать.

Ужин с Рембрандтом

Впрочем, проблем тоже хватает. Несмотря на уважение, музеи порой просто не посещают: кое-кто не переступил порог ни разу в жизни. Нынешние энтузиасты, выстраивающиеся в очереди, — лишь малая часть тех, кто мог бы прийти на выставку. Завлечь широкие массы — вот основная задача современных институций. По этой причине музеи становятся более открытыми и дружелюбными: по-

являются магазины, кафе и бесплатный вай-фай. Для слабовидящих устанавливаются тактильные модели: скажем, в Пергамском в Берлине можно потрогать копию бюста Нефертити. Экскурсант должен чувствовать себя, как в лобби хорошего отеля, где его окружают заботой и любовью. Эту тему эмоционально развил ученый из Загреба Томислав Шола:

— Вспомните детство: вы на приеме у врача, он прикалывает к спине холодный стетоскоп. На ваших глазах выступают слезы. К сожалению, не все профессионалы наделены способностью сопереживания. Хороший доктор всегда носит стетоскоп в кармане, чтобы тот был теп-

лым. Эту аналогию можно применить и к музеям. Хочешь быть любимым — полюби сперва свою аудиторию.

Яркой иллюстрацией контакта с публикой является недавнее событие в амстердамском Рейксмузеуме: 10-миллионному посетителю, учителю из Харлема, разрешили поужинать прямо в залах, а затем предложили остаться до утра по соседству с «Ночным дозором» Рембрандта. Экспертный пиар-ход? Безусловно. Но специалисты уверены: тренд на взаимодействие со зрителями будет только усиливаться.

Образы будущего

Сегодня музеи по всему миру ставят перед собой почти одинаковые задачи. В идеале людям предлагают не нейтральный набор фактов, а яркую их интерпретацию. Для этого придется активно проявить себя в соцсетях, чтобы привести в стены молодежь, выросшую с гаджетами в руках. Суметь заработать денег в условиях сокращающихся бюджетов. А еще — бросить силы на борьбу с известным феноменом, который в англоязычных источниках называют museum fatigue, то есть музейная усталость.

Действительно: принципы организации выставочного пространства во многих институциях устарели, и на смену им идут новые. Иногда главным становится помещение зрителя в особое игровое поле. Любопытен опыт «Маленького музея» в Дублине: попасть туда можно, только предварительно записавшись на экскурсию. По замыслу создателя, посетителя вовлекает в диалог специально обученный гид. Как объяснил директор Тревор Уайт, исследования показывают: человек, раскрывшийся эмоционально, лучше воспринимает информацию. Другой пример — Музей будущего в Рио-де-Жанейро. Его глава Энрике Оливейра рассказал, что у них нет привычных экспонатов: лишь изложение событий. Инновационный дизайн, помноженный на научный подход, позволяет знакомить публику с проблемами прошлого и настоящего и помогает задуматься о тенденциях.

Впрочем, это не означает, что нужно целиком отказаться от накопленного десятилетиями опыта. Некоторые довольно критично относятся к «диснеизации» современных музеев: вынужденные существовать в условиях рынка и новых медиа, те идут на уступки зрителям, которые, образно говоря, хотят играть, а не учиться. Об ошибках и сложностях подобного подхода поведал Николай Ляучин-Гутников, куратор Национального центра имени Жоржа Помпиду:

— Наш музей создавался как революционный проект. Он должен был сделаться не только местом консервации, но и площадкой для творчества, поэтому активно приглашались действующие художники. Внедрялась междисциплинарность: привлеклись границы между разными областями разрушались. Мы стремились стать культурным центром, не ограничиваясь функцией пространства для выставок. Однако в итоге музей будущего оказался музеем настоящего: он отразил стереотипы, присущие кураторской среде, — например, касательно глобализации институции или конца больших историй.

А это означает, что музею будущего, о котором мы мечтаем, предстоит обрести свое лицо.

Робот Клиоша, будущий экскурсовод в Музее современной истории России

Призы «Интермузея 2017»

Награды жюри фестиваля в четырех главных номинациях получили: **Государственный Эрмитаж** («Лучший проект в сфере музейного образования»), **Новгородский объединенный музей-заповедник** («Лучший научно-исследовательский музейный проект»), **Всероссийское музейное объединение музыкальной культуры имени Глинки** («Лучший проект в сфере информационных технологий») и **Музей истории Екатеринбурга** («Лучший проект, направленный на социальное взаимодействие»). Гран-при достался **Государственному музею-заповеднику «Петергоф»**.

КУЛЬТУРА
Духовное пространство русской Барщины

Председатель редакционной коллегии: Елена Ямпольская

Шеф-редактор: Михаил Бударягин

Руководитель направления «Литература и искусство»: Ксения Позднякова

Ответственный секретарь: Александр Курганов
Дизайнер: Наталья Вайнштейн

Адрес редакции: 127055, Москва, ул. Новослободская, д. 73, стр. 1
Рекламная служба, телефон/факс: +7 (495) 602-5200
Печать и распространение: +7 (495) 602-5512, +7 (495) 685-7895
Телефоны для справок: +7 (499) 418-0499, +7 (495) 685-0633
+7 (495) 662-7222 e-mail: info@portal-kultura.ru

Газета распространяется в России (включая Республику Крым и Севастополь), Азербайджане, Беларуси, Казахстане, Киргизии, Таджикистане
Общий тираж 40 000

Отпечатано в ЗАО «ПК «ЭКСТРА М», 143400, Московская область, Красногорский р-н, г. Красногорск, а/д «Балтия», 23 км, вл. 1, д. 1. Заказ № 17-06-00083
Подписано в печать 8 июня 2017 г., по графику: 20.45, фактически: 19.30

В столичном отеле «Стандарт» прошла пресс-конференция 39-го Московского международного кинофестиваля. Стартовый 22 июня смотр ожидается насыщенным и жарким — в программах преобладают картины с выраженным аргентинским, индийским, корейским, а также остросоциальным и ностальгическим акцентом.

ММКФ: курс на 360°

ПРОГРАММНЫЙ директор ММКФ Кирилл Разлогов, кураторы программ Петр Шепотинки и Григорий Либергал не скрывали удовлетворения от текущей работы, обещали порадовать цветущей сложностью палитры и звездными гостями — Орнеллой Мути и Микеле Плачидо в амплу автора драмы «7 минут». Итальянская красавица украсит жюри, куда вошла финский режиссер Йорн Йохан Доннер, его испанский коллега, кумир киноманов Альберт Серра и иранский лауреат прошлого года ММКФ Реза Миркарими.

В основном конкурсе заявлена дюжина лент со всех сторон света. Честь России защитят Владимир Котт и Вадим Перельман. Первый представит провинциальную трагикомедию с дуэтом Алисы Фрейнд-

лих и Марины Неоловой «Карп замороженный», второй — зрелищную сагу о трудной модельной судьбе «Купи меня». Основными конкурентами отечественных лент будут китайский фестиваль хит «Хохлатый ибис» Лана Цяо, испанский гиньоль «Селфи» Виктора Гарсия Леона, аргентинская мелодрама «Симфония для Аны» Эрнесто Ардито и Вирны Молины, финская ретрофреска «Звездочки» Висы Койсо-Канттила, японская пастораль «Апрельский сон длинной в три года» Рютаро Накагавы и жесткий корейский триллер «Обычный человек» Ким Понхана. Также покажут семейные драмы — индийско-бангладешский «Прыжок в воду» Мустафы Сайвара Фауки и австро-германский «Лучший из миров» Адриана Гойгингера.

Громкой премьерой смотра документального кино станет антикартельное мексиканское расследование Эверардо Гонзалеса «Свобода дьявола». За Россию сыграет приуроченный к столетию революции фильм Сергея Бижева «Раскаленный хаос». Обещает быть ярким и конкурс короткометражек — из двух тысяч лент отбор прошли лишь восемь.

Главный аттракцион ММКФ — программа VR-кино, представляющая экспериментальные работы, доступные для сферического обзора в виртуальных шлемах. Популярнейшие из 16 ретроспектив — программы Андрея Плахова и Петра Шепотинкина — покажут новые картины Аки Кауризмаки, Агнешки Холланд и Ильдиго Эньеди, получившей «Золотого медведя» в Берлине за лав-стори «О теле и душе», а также «120 ударов в минуту» Робена Кампийо, увенчанные «Золотой пальмовой ветвью».

Заметное место в хит-листе займут программы: приуроченная к юбилею Андрея Кончаловского, «Свободная мысль», «Полокание # выбирает», «Кино регионов Индии», две корейские ретроспективы, отреставрированная аргентинская классика и парад-алле ужастиков.

Площадкой для фестиваля послужит многозалный «КАРО-Октябрь». Итоги подведут 29 июня. Московский международный кинофестиваль совместно с сетью кинотеатров «КАРО» представит проект «ММКФ в регионах». Зрители Санкт-Петербурга и Калининграда, Екатеринбург и Казани увидят самые громкие премьеры смотра.

Алексей КОЛЕНСКИЙ

Карен Шахназаров:

«Мы разрушили привычные представления о романе Толстого»

Ксения ПОЗДНЯКОВА

На экраны вышла новая картина Карена Шахназарова «Анна Каренина. История Вронского». Незадолго до премьеры телеканал «Россия» показал 8-серийную версию фильма. О том, чем различаются две ленты, зачем понадобилось вводить в сюжет историю Русско-японской войны и почему все-таки Анна решила броситься под поезд, режиссеру распросила обозреватель «Культуры».

культура: «Анна Каренина» насчитывает более двадцати экранизаций. Как полагаете, с чем связан такой интерес к роману Толстого?

Шахназаров: Лев Николаевич создал классический сюжет. Треугольник — Анна, Вронский, Каренин — прообраз всех подобных исто-

ФОТО: ЕКАТЕРИНА ЧЕШОКОВА/РИА НОВОСТИ

нет драматургии, умозрительные рассуждения о неких идеальных отношениях. Напротив, история Анны, Каренина и Вронского на удивление живая, страстная и правдивая. Больше того, я видел подобные сцены в реальной жизни. Понятно, что язык, антураж были иными, но люди все те же. В этом и заключается величие романа. По сути, он даже не о любви. Самое интересное начинается, когда между ними уже все произошло, — то, как развиваются отношения мужчины и женщины. Это было не от ума, а от чувств.

культура: А, чисто по-человечески на чьей стороне Вы?

Шахназаров: Прелесть романа, да и всей толстовской прозы, в том, что там нет ни отрицательных, ни положительных героев. В дневниках Льва Николаевича есть замечательная фраза: «Человек — существо текучее». Он и добрый, и злой, и

умный, и глупый, и жадный, и храбрый, и трусливый. Мне кажется, у Толстого, как и в жизни, нет людей однозначных. Каренин должен быть противен, но у него своя правда, он по-своему вызывает жалость. Вроде бы все правильно делает, а ничего не складывается. То же с Вронским. Честный, порядочный, уступил брату наследство, да и по отношению к Анне ведет себя безупречно. То, что он становится косвенно виновником ее гибели, цепь недоразумений. Если судить по поступкам, то в романе он самый положительный герой.

культура: Ну, а как же, соблазнил замужнюю женщину...

Шахназаров: Что значит соблазнил? Она же не ребенок. Год отвергала его ухаживания, а затем решила. Выбор остался за ней. Такая женщина, как Анна, не шла бы ни у кого на поводу. По сути, ее характер самый сильный в романе, намного сильнее, чем у Вронского и Каренина.

культура: Что стало решающим при выборе исполнителей главных ролей?

Шахназаров: Мне важно, чтобы актеры были близки героям по возрасту. К примеру, Каренина обычно играют люди значительно старше, что неверно. В романе между ним и Анной всего двадцать лет разницы. Могу вам сказать с высоты своих лет, мужчина в сорок пять — это не то что в семьдесят. Страсть, темперамент, чувства — все по-другому. У Толстого совершенно правильное описание. Ведь брак Карениных — это не брак по расчету. Она по-своему его любила, была привязана, во всяком случае, так думала. Что касается Анны и Вронского, то все решили пробы. И Ализа, и Максим, я его не-не-не. В работе над лентой ты должен жестко выстраивать драматургию. Уложить огромное произведение в два часа гораздо сложнее, чем в шесть сериальных. Кроме того, одно дело, когда зритель сидит дома с чашем, а другое — в зале, где его еще нужно удерживать. Плюс безусловное преимущество сериалов: в отличие от кино их смотрят миллионы человек. Есть особый кайф, когда понимаешь, какая перед тобой огромная аудитория. И тем не менее я в первую очередь кинематографист. В итоге у нас получилось две разные картины. Я бы даже сказал — смысло-разных. И если в сериале акцент сделан на Анне, то в фильме главный герой именно Вронский.

культура: Вы намеренно ушли от истории Левина и Кити, хотели сосредоточиться на любовном треугольнике?

Шахназаров: Прямо скажу, линия Левина меня никогда не интересовала. На мой взгляд, в ней

Для нее это неприемлемо. Она должна владеть им целиком. Не может допустить, чтобы он куда-то ушел: Вронский на три дня уезжает из имения — для нее это трагедия. Это же не я придумал, а у Толстого написано, что в финале у Анны торжествующий взгляд. Она бросается под поезд не потому, что ее общество отвергло, да плевать она на них хотела, ей важно наказывать Вронского. И ей это удается. Кстати, именно отсюда возник наш замысел. Мне всегда было интересно узнать, как могла сложиться жизнь мужчины, который на своих плечах несет такой груз. Внутреннее ощущение, что он стал причиной гибели — причём такой ужасной, — своей возлюбленной, фактически жены.

культура: Сергей спрашивает Вронского: любил ли вы ее так, как она вас? А она его любила? Порой кажется, что она испытывает его на прочность.

Шахназаров: Вот так и любят. У Толстого так написано. Я всем говорю: читайте роман. У Льва Николаевича сцен выяснения отношений намного больше. Анна постоянно от Вронского чего-то требует. Я в этом вижу глубокое понимание взаимоотношений между мужчиной и женщиной. Дело в том, что женщина по природе собственница, ей нужно от мужчины все. Она не может его делить ни с кем. А мужчина не способен так жить. Он по природе полигам. Толстой здесь затронул очень важную точку в отношениях полов. Опять-таки не знаю, сознательно или незосознательно он это сделал, но в романе это есть. Сосредоточившись на одной линии, мы смогли показать то, что у Толстого обычно упускается.

культура: Не эгоизм ли со стороны Анны — попытка забрать сына? Если бы Сережа рос с ней, какая судьба его ждала: ни карьеры, ни положения в обществе. Тут Каренин прав.

Шахназаров: Он несколько лукавит. Как бы ни старался держать себя в руках, говорить о ней из христианского прощания, он ненавидит и Анну, и Вронского. Отдал бы ей сына, и развелись бы. Хотя тоже неизвестно, куда бы страсть Анны их всех завела, тем не менее могло бы все более или менее сложиться. Но в том-то и дело, что роман Толстого о страстях, никто не может справиться со своими демонами. И Каренин мстит. Ну, а как разбираться, то она делает ужасные вещи. Разрушает брак, бросает сына. Да и с собой кончает, чтобы наказывать Вронского.

культура: За что?

Шахназаров: За то, что, по моему мнению, он теряет к ней интерес. Она не может понять, что его чувства — чувства обычного мужчины, у которого есть масса всего, помимо отноше-

Шахназаров: Потому что возникла идея Русско-японской войны, которая не только подходила нам хронологически, но и, что еще более важно, позволила показать падение империи. Собственно, на мой взгляд, события этой войны и стали началом конца. Затем революция 1905-го, а дальше все покатило под откос, Первая мировая, 17-й год. Мне казалось необходимым отобразить гибель того мира, где разворачивалась история Анны и Вронского. Выбор пал на Вересаева. Будучи не только литератором, но и непосредственным участником событий, он оставил записки о войне. Плюс у него есть несколько замечательных рассказов. Мы очень многое у него взяли. Все истории офицеров. То, как был ранен Вронский, когда снаряд угодил в землянку, где они играли в карты, — все оттуда. Плюс эстетика Русско-японской войны художественно очень интересна: Маньчжурия, сопки. Ведь какая еще проблема заключалась в работе над «Карениной». Сам роман статичен и замкнут в пространстве, почти все события происходят в интерьерах, в салонах. Если это снимать подряд, то не выйдешь за пределы помещения. Мне кажется, Китай очень много добавляет визуально, дает картинку дополнительный воздух.

культура: Жизнь Карениной с самого начала летит к гибели, не потому ли Вы рифмуете ее историю с войной, ведущей к краху Российской империи?

Шахназаров: Читая, я всегда подспудно думал о том, что показанная Толстым страна дол-

жна была рухнуть. Она не могла существовать. Такая мысль меня посетила, хотя в тексте об этом ни слова. И вот мотив воплотился в тему Русско-японской войны. Не знаю, видел ли это Лев Николаевич или просто как художнику ему удалось передать (по крайней мере, мне) идею надвигающейся катастрофы. Не зря же в романе выведен элемент праздности, жизнь героев проходит в бессмысленном времяпровождении, при этом ты понимаешь, что где-то есть люди, благодаря которым это возможно. Думаю, Толстой не случайно создал образ страны, привлекающей разорбаться, узнать о ней из первоисточника. И Бог посылает ему встречу с Вронским.

культура: Почему решили свети их именно на войне?

Шахназаров: Был первый вариант, где они встречаются в 1917 году. Сергей находит старого Вронского, одиноко живущего в своем имении, и тот начинает рассказ. Но действие не хватало драматизма. Захотелось сделать для них отдельную сюжетную линию. Кроме того, было важно показать историю младшего Каренина, иначе персонаж вышел бы плоским. Кто-то скажет, дописали Толстого, ну да, дописали. А почему, собственно, нет?

культура: К тексту Толстого добавлены фрагменты Вересаева. Почему выбор пал именно на него?

пе, понимаю, чем это вызвано. С одной стороны, мы разрушили привычные представления о романе. Кстати, я сделал открытие: книгу очень плохо знают. Обсуждают общие какие-то вещи, но реально мало кто читал. Приходит журналист и говорит: «Что у Вас Вронский делает на Русско-японской войне, он же погиб в Сербии?» Понятно, что человек Толстого не читал, нет в романе такого. Это позже литературоведы выдвинули версию, что некий прообраз Вронского погиб в Сербии. У Льва Николаевича сказано: уезжает на войну, и все. Многих нюансов уже никто не помнит. Не читали или невнимательно читали, не знаю. С другой стороны, учитывая шлейф моих политических взглядов и высказываний, я был обречен на определенное отношение. Не говорю, что только этим все обусловлено, но и это сыграло свою роль.

Сеть настолько бездна, что в ней практически невозможно определить, что есть истина. А учитывая анонимность (ты вообще не знаешь, кто все эти люди), написанное там нельзя рассматривать серьезно. Моя позиция всегда была однозначной: интернет необходимо персонализировать, люди должны выходить в Сеть под своими фамилиями. Тогда будет хоть какая-то реальная картина. А сегодня это омут, за которым неизвестно кто и что стоит. Вот я выступала, делаю фильм, я же подписываюсь. Так почему тот, кто высказывается в интернете, должен прятаться за каким-то ником. Но вообще я довольно спокойно отношусь к подоб-

ным вещам. Если кому-то что-то не нравится, мне что — переделывать фильм? Даже если согласишься с таким мнением. Ты снимаешь кино, исходя из каких-то своих соображений.

культура: Как Вам кажется, почему сегодня большинство премьер вызывают острую реакцию? Взять хотя бы «Вашу Каренину», «Викинга» и еще не вышедшую «Матильду»?

Шахназаров: Наше общество очень политизировано и расколото, большое значение имеют взгляды создателей и критиков. Конечно, есть люди, способные оценивать художественное произведение отдельно от его автора, но нужно обладать очень высоким классом и недюжинным умом. Большинство же не может абстрагироваться, и это нормально. Если вам не нравится человек и чужды его взгляды, значит, вы переносите свое отношение на то, что он делает. Так устроен мир.

культура: Последние два десятилетия наше кино делится на фестивальное и попкорновое, почему перестали снимать фильмы, способные заинтересовать самую широкую аудиторию? С чем Вы это связываете?

Шахназаров: С одной стороны, фестивали такими стали. Посмотрите, какие картины получают призы на крупнейших смотрах. Кто-нибудь видел эти ленты? Раньше было иначе. Если «Паль-

мовую ветвь» получала «Сладкая жизнь» или «Летят журавли», то все знали, о чем идет речь. Наградами отмечали просто хорошее кино, и его можно было смотреть. Но сегодня, действительно, фестивальная политика такова, что 90 процентов фильмов, которые там показывают, никто смотреть не будет. Собственно, об этом говорят и руководители конкурсов. А на вопрос, зачем вы это берете, пожимают плечами. Такая политика порождает кинематограф, ориентированный на фестивали, где свои законы, примерно понятно, как делать кино. Это получился какой-то своеобразный жанр. Мне такое кино никогда не было интересно. Внутренне я никогда на них не ориентировался. Самый большой адреналин, если хотите знать, это когда публика смотрит картину. Просто снять фильм, чтобы увидели 150 человек, это не интересно. Все равно остаются только ленты, ориентированные на зрителя. Понимаете, Тарковский не делал фестивальное кино. Именно поэтому его продолжают смотреть и сейчас. Не как Гайда, но тем не менее. Это не касается «Ностальгии» и «Жертвоприношения», которые он снял, оглядываясь на фестивали, они не стали лучшими его работами. «Рублев», «Зеркало» не могут не волновать. В целом это придумка, что он был режиссером фестивального. Он делал кино для зрителя, просто в своем формате.

культура: А можно ли как-то вернуть былую славу нашему кинематографу? Как Вы относитесь к периодически озвучиваемой идее квотирования?

Шахназаров: Разумеется, защищать отечественное кино надо. Это же индустрия. Но, с другой стороны, чтобы такая мера принесла результаты, в год нужно делать 250–300 фильмов. А если мы выпустим 70 картин, то в этом нет никакого смысла. Мы живем при рыночной экономике, начнем квотировать, кинотеатры скажут: если нельзя показывать иностранное кино, так дайте замену. А что мы сможем предложить? Из трех-четырёх снятых картин в прокат выйдут только одна, такова мировая статистика. Из 70 получаем двадцать, репертуар на один месяц. Ну, и что здесь квотировать. Эта идея просто не работает. Нужно идти навстречу зрителям, чтобы помочь российскому кино, а квоты сами по себе ничего не решат. Либо поднимать количество фильмов до 300.

культура: Думаете, такое возможно?

Шахназаров: Советский Союз как-то решал эту задачу. Был же у нас период малокартинья. В сталинскую эпоху делали 10–15 лент. Потом, в 50-е годы, с чего, собственно, и началась «Мосфильм», было принято решение резко повысить число — до 150. Вот тогда пришли Алов и Наумов, Чухрай, Таланкин, Данелия, Хуциев, Язынов, Бондарчук, Гайдай. Это была эпоха, когда молодежи доверили постановки, потому что надо было поднимать индустрию. И сразу появилась целая плеяда талантливых кинематографистов. Тогда же сумели увеличить производство. Потом в СССР снималось до 300 картин в год.

культура: Для этого нужно какое-то решение, госзаказ?

Шахназаров: Конечно, сейчас иная ситуация, другая страна, другая система. Я не сторонник волюнтаристских решений. Считаю, что просто нужно найти механизмы рыночные, которые будут работать на благо кино. Но прежде всего — поставить задачу. Когда ставится задача, начинается поиск решения. Именно это должно стать первым шагом, а не просьбы: дайте денег. Нужно создать единый центр кино, я не раз об этом говорил. Современный аналог Госкино. Этот центр займется всеми проблемами индустрии в комплексе. Именно там должен решаться вопрос, как поднять количество и качество фильмов. Думаю, это реально.

В прокате с 8 июня

1 Горшков: А если говорить об эмоциональной реакции на вхождение крымского социума в общероссийский, то в состоянии длительной эйфории она оставаться не может по определению, поскольку есть такое явление, как текущая повседневность. Существуют задачи, постоянно решаемые людьми любого региона России. В этом смысле Крым здесь просто один из последних горячих примеров.

Но есть и третий ракурс. Почему-то об этом никто не говорит. С точки зрения новейшей истории мы столкнулись с уникальным случаем реинтеграции социума, который в свое время исторически был в составе Российской империи, советского общества, потом оказался в составе другого государства, но через два с половиной десятилетия стал частью уже новой России. И теперь решаются общие проблемы. Вот ситуация весны 2014 года — и вот ситуация весны 2017 года. Эйфория прошла, но ниже границы восприятия исторического значения массовая оценка возвращения Крыма не упадет. Таков мой прогноз.

культура: К вопросу о волнообразности. Есть периоды общественного подъема, общественного спада и общественного равнодушия. Сейчас наше общество в каком состоянии?

Горшков: По отношению к кому или к чему?

культура: По отношению к повседневности.

Горшков: С позиции общей оценки, можно использовать такое понятие, как «уравновешенное состояние». Причем заявляю об этом не голословно. Мы при поддержке Российского научного фонда (проект 14-28-00218) четвертый год ведем уникальное исследование, связанное с оценкой динамики общественного состояния в основных контекстах повседневности — социально-экономическом, политическом, этнорегиональном и социокультурном. Это дает очень интересные возможности для анализа социальной реальности. Во-первых, выявлять характерные черты повседневности и видеть жизненные практики людей в этой повседневности, а с другой стороны, оценивать состояние жизни через призму фундаментальных оснований существования общества — ценностей, жизненных смыслов. Слава Богу, пока ничего по большому счету не радикализирует ментальные пласты. Процент людей, которые живут с ощущением надвигающейся катастрофы, невелик и довольно устойчив, причем не меняется ни в лучшие, ни в худшие периоды жизни общества: 8–10 процентов.

культура: А можно определить состав группы так называемых катастрофистов?

Горшков: Состав этой группы не выделяется по какому-то одному-двум основаниям. В ней представители и разных возрастов (молодого, среднего и старшего), и разных территорий, и разных профессиональных слоев (рабочих, домохозяйек, военнослужащих, чиновничества и так далее). Мы пытались найти какой-то признак, через который можно было бы определить своеобразие этой социальной группы. Но оказалось, нет такого доминирующего, собственно социального признака. Скорее всего, он лежит не в сфере социального и экономического, а в сфере психоэмоционального.

культура: Но это не означает, что данную группу можно не замечать — 8–10 процентов это, наверное, не мелочи в людском выражении?

Горшков: Вы правы. Ведь что такое один процент в общероссийских социологических опросах? Это около миллиона граждан, поэтому речь идет о 8–10 миллионах человек.

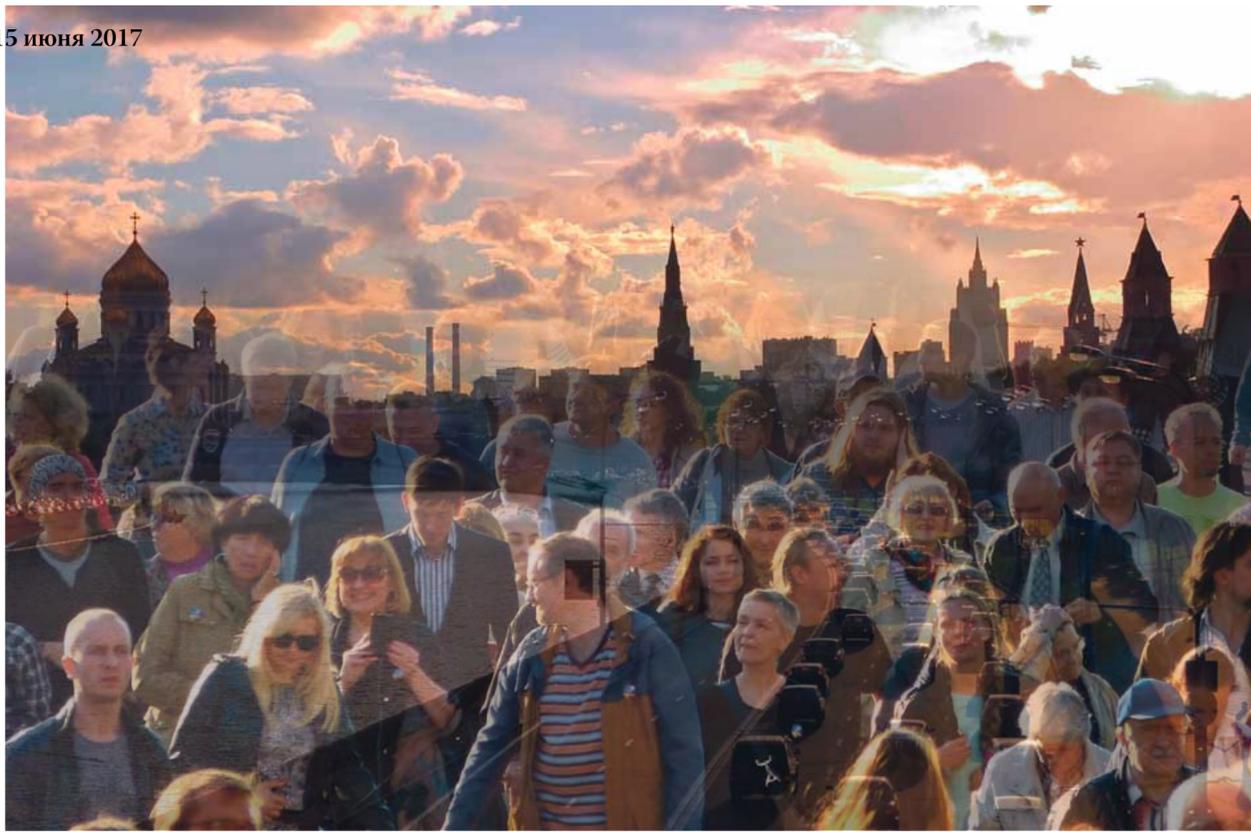
культура: Но они же разбросаны по территории страны.

Горшков: Совершенно верно. Именно поэтому не так заметны в общественном контексте. Но стоит сказать, что оценка респондентами психологического состояния окружающих их людей гораздо критичнее лично своего (на 20–22 пункта). Когда мы спрашиваем: «Как вы можете оценить психологическое состояние людей, с которыми вы чаще всего общаетесь?», получаем оценки явно негативнее, чем самооценка собственного самочувствия. В общем-то, это понятно. Выскажу одно из возможных объяснений. Не все, что у тебя внутри, хочется выразить через свою самооценку. Удобнее это замечать в другом. Психологически легче сказать, что кто-то более раздражителен, чем ты сам. И уже тем более признать, что другой отличается более агрессивной установкой.

Точки напряжения

культура: Но это все равно можно считать напряжением, пусть и выраженным косвенным образом?

Горшков: Жизнь в современном, очень противоречивом, нередко конфликтном обществе настолько сложна, настолько многослойна, что удивляться этому вряд ли стоит. К тому же нельзя не учитывать, что трудовые и психологические нагрузки достигли предельного накала. А сейчас назову одну цифру: по законодатель-

Михаил Горшков:

«Несправедливость и бедность ощущаются одинаково остро»

ству РФ наши с вами рабочие часы должны ограничиваться сорока в неделю. Но в России сегодня, по социологическим данным, средняя продолжительность рабочей недели — 42 часа, а у каждого пятого — почти 45 часов. Отсюда распространенное стремление снять напряжение через выпивку.

культура: Стресс — это же еще и типичность труда. Почти всех волнует — и это вызывает огромное напряжение в обществе — проблема даже не столько бедности как таковой, сколько несправедливой бедности, когда ты работаешь, работаешь свои 45 и даже больше часов, и пшик! Насколько эта проблема соединения несправедливости и бедности глубока и взрывоопасна?

Горшков: Она глубока и отчасти взрывоопасна, и понимание этого мы видели на телеэкране, когда президент зачитывал очередное Послание. В первых же абзацах, когда он стал объяснять цели и задачи, стоящие перед властью и страной, глава государства сказал, что сегодня самой животрепещущей проблемой в обществе является обостренное восприятие проблемы социальной справедливости. Никогда такого не было, согласитесь. Случайно? Не случайно. Я думаю, что такое заявление в самом начале подобного Послания — с точки зрения нашего анализа социодинамики, достаточно обосновано, мы не раз с этой проблемой выходили на страницы правительственного издания «Российская газета».

Проблема социальной несправедливости и неравенства занимает первые места в рейтинге общественных противоречий. Почему? Потому что то, что вы сказали, относится не только к бедным. Про бедных я отдельно скажу. В чем особенность несправедливости в современной России? За 25 лет реформ она проникла во все поры общества и стала характеризовать отношения практически во всех слоях населения. В особенности это касается распределительных отношений. По данным Росстата, разрыв между 10 процентами самых бедных и 10 процентами самых обеспеченных составляет 16 раз, а по социологическим замерам — в среднем по стране 28–30 раз. Посмотрите, не бедный человек, грамотный специалист, работает в серьезной структуре, государственной или коммерческой. Идет распределение премиальных за год, но вы получаете не то, на что рассчитывали, и знаете, что большую сумму получил человек, который вообще через день ходил на работу. Разве это недостаточный пример? Известный. Идет повышение по службе, и выдвигается не сотрудник, который наиболее талантлив и способен, а персонаж, наиболее приближенный к начальнику отдела. И поверьте, это воспринимается как несправедливость не менее остро, чем бедность как таковая.

Есть у нас и нищета, совсем маргиналы. А то, о чем вы говорите, бедность и несправедливость, связано с группой работающих бедных. В раз-

витых странах мира вообще эти термины несочетаемы, они вызывают недоумение: «Как же можно быть бедным, если ты работаешь?» Я выступаю на зарубежных конгрессах, говорю об этой проблеме, а на меня поднимают удивленные глаза: «Господин Горшков, а как это так? Если человек работает, он по определению не может быть бедным». А у нас может быть, потому что он или она работают — да, получают, возможно, средние ставки — 30–35 тысяч, на двоих 70 тысяч рублей. Но в семье еще три иждивенца — двое детей и один старик. Поделите теперь на душевный доход в месяц, и вы получите сумму ниже прожиточного минимума.

Средний класс и прекариат

культура: И при этом у нас, как говорят, огромное количество людей заняты не поимки чем, формально. То есть они просто заняты — они сидят и ничего не делают, получают какие-то минимальные деньги. У нас значительная часть общества то ли в тени, то ли в полутени. Что делать?

Горшков: Социологи должны изучить ситуацию и поставить социальный диагноз, а вот как быть управленческому звену — это сфера их компетенции. Есть средний класс, а есть прекариат. Последний — это люди, работающие неполный рабочий день или несколько дней в неделю, но неплохо себя чувствующие. Здесь сплетение нескольких вещей. Во-первых, человек формально работает, к нему не придерешься с точки зрения тунеядства и уплаты налогов. Второе — он формально самореализуется, получает какие-то деньги, а вот свободную часть своего дня он реализует себя в той области, которую государство ему обеспечить не может (для творческой категории людей это очень важно). Отработал по найму, где более-менее прилично платят, а потом пришел домой, встал у мольберта и рисует.

В том и проблема, что реальное состояние общества, возмун на себя смеются, знают сегодня в основном академические социологи, люди, кото-

Горшков: Прежде всего, крайне низкий качественный уровень управления в стране. Управленческая культура плоха: велик объем неадекватно принимаемых решений, есть отсутствие просчета последствий (социальных, политических, морально-психологических) принимаемых решений.

Вот говорят, а какое противоречие развития России сегодня является ключевым? Это даже не противоречие между богатыми и бедными, но противоречие между потребностью качественного роста системы государственного управления на всех уровнях, профессионального принятия решений с просчетом его вариантов последствий и реальным уровнем управления, которое демонстрирует сегодня ведомства и федеральные, и регионального масштаба. Хочу сказать как человек, относившийся к системе советских времен и работавший в системе управления вплоть до высшего, которым тогда являлся аппарат ЦК КПСС: ничего подобного тогда не было, и каждое решение общесоюзного уровня принималось после неоднократных экспертиз, оценок и использования интеллектуального ресурса, который относился бы к отрасли, по которой принималось это решение, включая и экономику, и культуру, и образование, и, конечно же, науку. А у нас же можно так, по крайней мере до последнего времени было, — работник, не прошедший через нижние и даже средние этажи управленческой практики, мог становиться федеральным министром. Что тут говорить? Принимаются серьезные решения, которые по объему затрат стоят миллиарды рублей, но к ним подкалываются лишь один тип экспертиз под названием «техико-экономическая». Этого недостаточно!

Неужели трудно понять, что любые решения, проекты, связанные с интересами людей, обязаны рассматриваться и с социальной точки зрения, то есть проходить дополнительную социологическую экспертизу.

культура: Если коротко резюмировать, то получается, что где-то, идя по пути реформ, мы потеряли человека. Он, можно сказать, выпал из текущей экономики и планов стратегического развития. И теперь наша задача состоит в том, чтобы «встроить» этого человека, его развивающиеся потребности и интересы в модели настоящего и будущего России?

Горшков: Да, эти попытки есть. Особенно в красивых лозунгах, которые и остаются только словами. Скажем, гуманизация экономики. Кому неизвестен этот лозунг? Известен уже практически всем. Сначала его воспринимали в штыки, потом стали понимать, что экономика для человека, а не человек для экономики. Пришли к выводу о необходимости вести речь о социальной экономике. Но дело еще и в другом — мы потеряли управленческие процессы, ведь вот что важно. Я даже на ученом совете института перед коллегами позволил

себе высказать такую мысль: существует достаточно убежденная группа управленцев, бюрократов, причем высшего звена, которые считают, что они управляют процессом. На самом деле это еще вопрос. Полагаю, что зачастую наоборот — процессы спонтанно и стихийно управляют ими. Это чиновники подлаживаются под них и пытаются в режиме «здесь и сейчас» найти какое-либо решение вопроса. Управленец должен задавать модель решения и желательна не одна, а многовариантная, оценивать, какая из них будет более эффективна по своей отдаче и включенности человеческого фактора в эту модель. Попробовали бы вы в 70-е предложить однобоко аргументированное решение проекта государственной важности...

культура: Но при этом в 70-х кризис уже намечался, и уже довольно скоро, в начале 80-х, Андропов произнесет свою знаменитую фразу о том, что мы не знаем то общество, в котором живем.

Горшков: Он совершенно верно сказал, имея в виду не архивные папки спецслужб, но механизмы, законы функционирования общества, мотивы и интересы, которые должны работать в народном хозяйстве. Например, Косыгин для своего времени предлагал далеко идущую реформу — ему дали по рукам, причем идеологическими суловскими аргументами.

Формы идентичности

культура: А мы сейчас знаем общество, в котором живем?

Горшков: Мы, академические социологи, знаем. Наши многолетние и многочисленные исследования — подтверждение моих слов.

культура: И какое оно?

Горшков: Возникшая в пореформенной России множественность, дифференцированность интересов породила большое социальное, морально-нравственное, психологическое разнообразие. Оно отличается качественно от того состояния, что было при Андропове, которое мы называли союзом рабочего класса, колхозного крестьянства и интеллигенции. Сейчас, по нашим оценкам, в России как минимум 10–12 социальных страт, каждая из которых — социальная обособленность, там своя социальная реальность, со своими ценностями и интересами, доходными и имущественными характеристиками, образом и стилем жизни и, что интересно, со своим жизненным целеполаганием.

Мы говорили о среднем классе. В нем 3–4 слоя — от низшего до высшего. Согласитесь, при таком качественном разнообразии условий жизни твои притязания не могут не отличаться от той группы, которая в иных условиях живет. Формируются микромиры, где начинают доминировать свои принципы права, свои принципы морали, свои принципы политических норм, свои оценки страны, свои формы идентичности. Человек себя идентифицирует только с теми, с кем ощущает большую связь.

Сегодня идентичность, как никогда, многоуровневая. Не надо сравнивать общероссийскую идентичность с этнической и углубо поселенческой и уж тем более с профессиональной и неформально-личностной. Это разные уровни самоидентификации. Я ощущаю себя гражданином России. Но дальше выделяю для себя такие формы идентичности, как семейная, дружеская, профессиональная. И вы знаете, какая форма идентичности повседневного общения выплывает в лидирующей? По политическим взглядам. Это даже для нас оказалось сюрпризом.

культура: Да, удивительно. А все говорят, наше общество аполитично.

Горшков: Смотря что вкладывать в это понятие. Ты вышел на 1 Мая — хорошо, а не вышел — ты аполитичен. Глупость же, да? Меня всегда удивляли такие оценки, даже в позднесоветские времена... Я пытался даже Михаилу Сергеевичу это объяснить, поскольку работал в его команде не некоторое время. Почему так прямолинейно и однобоко мы относимся к пониманию политического участия? Кто доказал, что интерес к политике должен быть наиважнейшим в жизни человека? А семья, образование, интересная работа, содержательный досуг как ценности жизни — они что, менее важны для человека? И кто доказал, что общество следует считать аполитичным, если только половина его (!) просто регулярно интересуется политикой, следит за развитием ситуации в стране и мире? Ведь суть дела не в политических пристрастиях, а в гражданском участии в жизни страны. В какой форме? Общественные движения и самоорганизующиеся формы поддержки нуждающихся, волонтерство, молодежные площадки дискуссий и общественных проектов развития — это тоже своеобразные формы идентичности, и не только политической, но в большей степени социальной-гражданской.

Несвятые? Святые?

«Суворов на коне». Раскрашенная гравюра XVIII века

General Graf von Suvorow
Viktorovs Compositio (1810) (1810)
L'ajpato a bravo sperto dotti sitta.

Представители Русской православной церкви и общественные деятели обсуждают возможность канонизации Александра Суворова. Как Вы считаете, нужно ли причислить великого русского полководца к лику святых?

Результаты голосования на сайте газеты «Культура»

Давно пора. Во Владимирской области Александра Васильевича уже почитают по православному обряду. Был канонизирован адмирал Федор Ушаков: как и Суворов, он известен праведной жизнью	16%
До первого чуда не стоит спешить. Пусть Господь даст знак, и только после этого можно заносить генералиссимуса в святцы	10%
Не дело мирян лезть в религиозные вопросы. Как решит Синод, так и будет	16%
Исторических деятелей вообще незачем причислять к лику святых. Потом начнешь фильм снимать или книгу писать, и возникнут сложности, как с Николаем II. Суворову славы хватает	58%

1 В наследственном селе Суворовых Кистыш под Суздалем православными волонтерами из Фонда помощи ветеранам и инвалидам силовых структур «Омофор» за эти годы восстановлен храм во имя святителя Василия Великого, построенный Александром Васильевичем, действует «суворовская община». Местночтимым святым праведным воином в Тверской епархии русский герой признан в 2011-м. И с тех пор его иконы можно встретить не только в тверских и владимирских храмах, но и по всей России и даже за рубежом. Сейчас готовится обращение к Святейшему патриарху Кириллу, которое наверняка вызовет всплеск споров — и не только среди православных.

Что же, по мнению сторонников, дает право, а по убеждению противников, препятствует прославлению Суворова в соборе святых русских воинов — вместе с Александром Невским и Дмитрием Донским, предподобным Ильей Муромцем, втягиваями-иноками Пересветом и Ослябей и другими?

Это и стало предметом обсуждения на круглом столе «Имя Победы — Суворов», который состоялся в Общественной палате РФ. Дискуссия была организована Комиссией ОП по развитию и поддержке добровольчества (волонтерства), благотворительности и патристическому воспитанию.

Как известно, комиссия по канонизации руководствуется исторически выработанными Церковью принципами, среди которых главными остаются безукоризненное исповедание православия, праведная жизнь, народное почитание, прижизненные и посмертные чудотворения. Подходит ли под эти критерии генералиссимус? Большинство наших соотечественников сегодня об этом трудно судить, особенно если речь заходит о христианском благочестии. Последнее качество слабо знакомо даже старшему поколению: о таком не рассказывали в советской школе.

Между тем слишком многое в жизни (житии?) Александра Васильевича было поистине удивительным. Так, взятие крепости Измаил в 1790 году силами, которые значительно уступали туркам, лорд Байрон в поэме «Дон Жуан» назвал «чудом». Или знаменитый переход Суворова через Альпы, многие переправы которых труднопроходимы до сих пор для альпинистов со снаряжением. А тогда, в 1799-м, с лошадами, в боях — подобное казалось невероятным даже для суворовских чудо-богатырей. Соотношение сил в баталиях, которые выигрывал полководец, доходило до

1:70 не в нашу пользу! Не зря современники верили в небесную помощь военачальнику, некоторые и ангела рядом с ним порой зрели. «Мы русские — с нами Бог!» — таков был девиз Суворова, человека, который ни одно дело не начинал без молитвы, солдат любил, как отец, поверженных врагов щадил, мирное население обижать запрещал. Его знаменитый свод правил «Наука побеждать» — не только непревзойденный армейский катехизис, но и система успешного менеджмента и наставление для праведной жизни в мирное время, о чем интересно поведать доклады в Общественной палате. Даже знаменитые «чужацества» полководца напоминают больше христианское юродство с глубоко нравственным смыслом.

Павел I, присваивая триумфатору Итальянской кампании высшее воинское звание — генералиссимуса, пророчески сказал: «Для других это много, для Суворова — мало. Ему быть ангелом!» Сам же Александр Васильевич в конце земного пути, который желал завершить в монастыре, исповедался так: «Я проливал кровь ручьями. Содрогаюсь. Но люблю моего ближнего; во всю жизнь мою никого не сделала несчастным; ни одного приговора на смертную казнь не подписывал; ни одно насекомое не погибло от руки моей. Был мал, был велик; при приливке и отливе счастья уповал на Бога и был непоколебим...»

Стоит ли обращать внимание на хорошо известные тезисы «гуманистов»: мол, какая же святость может быть у «кровавого» военачальника, тем более подавившего мятежи свободолюбивых поляков и «народных борцов» Емельки Пугачева. Еще одно препятствие — якобы доказанное масонство Суворова. Однако историки давно опровергли эту басню. Что же остается? Не хватает народного почитания как святого, нет чудес на могиле? А много ли мы об этом знаем?

Несомненно, не может быть решающим частное мнение даже такого уважаемого пастыря, как протоиерей Дмитрий Смирнов. Он как-то назвал идею канонизировать Суворова «нашим русским чудачеством», дескать, у национального гения и так историческая светская слава велика, зачем еще приписывать ему святость? Из числа священства у отца Дмитрия есть и сторонники, и убежденные противники, хотя канонизация, конечно, не решается большинством голосов и суммированием заслуг. Прославляет в конечном счете Бог, и торопиться тут некуда. Отдельные русские святые по несколько веков ждали...

БОГОСЛОВИЕМ БЫТЬ ОБЯЗАН

Андрей САМОХИН

На днях в России произошло знаковое событие. В Общецерковной аспирантуре и докторантуре им. Кирилла и Мефодия была защищена диссертация по новой, утвержденной Минобрнауки и признанной ВАК специальности «теология». Первым кандидатом наук по этой дисциплине стал декан богословского факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (ПСТГУ) протоиерей Павел Хондзинский. Противники безуспешно попытались дискредитировать работу с помощью «карусели» отрицательных отзывов. О смысле долгого труда и интриге вокруг него «Культура» побеседовала с отцом Павлом.

культура: Ваша диссертация называется «Разрешение проблем русского богословия XVIII века в синтезе святителя Филарета, митрополита Московского». Как она возникла?

Хондзинский: Я над ней работал несколько лет, а самой темой богословия святителя Филарета занимаюсь очень давно. В 2010-м вышла моя монография, посвященная святителю. Личное отношение к этому великому деятелю нашей церкви тоже возникло не случайно: в жизни было множество «подсказок» — начиная с того, что после рукоположения в 1996 году я стал священником первого построенного в честь святителя после его прославления храма. А в начале 2000-х мне неожиданно предложили издать подборку его духовных произведений. Тогда я стал читать его все серьезнее и навсегда пленился глубиной и красотой мысли святителя.

культура: Вы давно уже доктор богословия, не так ли?

Хондзинский: Внутрцерковную степень доктора богословия я получил в 2015-м по теме «Русское внеакадемическое богословие XIX века». Но она, как и другие подобные, не признается государством. Я, например, не мог выступать научным руководителем для аспирантов, защищающихся по любым дисциплинам в системе ВАК. Кроме того, официальные степени нужны нашему вузу, у которого сегодня единственная в России аккредитованная аспирантура и первый признанный ВАК научно-богословский журнал «Вестник ПСТГУ». С профессорами и научными сотрудниками без признаваемых в «светском пространстве» научных степеней нас могут просто закрыть однажды как «неэффективных».

Процесс общественного признания теологии был небыстрым. Сперва наш университет, активно поддерживаемый в этом отношении высшей церковной властью, боролся за теологию как учебную специальность: в 1999 году стал возможен теологический бакалавриат, а вскоре и теологическая магистратура. В 2015 ВАК признал теологию научной дисциплиной, но без возможности защиты степеней. Предпоследний барьер был снят в прошлом году: разрешили наконец защищать диссертации по теологии, хотя и здесь формулировка первоначально была двойственной, «работа по теологии на степень кандидата философских наук». И только незадолго до моей защиты «философия» окончательно уступила место теологии. Прецедент создан, и путь следующим диссертантам, в том числе из моего родного ПСТГУ, открыт.

культура: Что мешало Вам защититься по религиоведению?

Хондзинский: Да, советовали сначала переделать мою работу под религиоведческую или философскую, и так получить ваковскую степень. Мои коллеги вынуждены были подобным образом действовать до сей поры. Но я отдал прочесть свою диссертацию одному уважаемому светскому ученому, и тот резюмировал: «это богословие, и ничто иное». Дело в том, что разница между двумя науками существенная. Условно говоря, религиоведение описывает церковь снаружи, а богословие — изнутри. Как любой гуманитарий, богослов имеет дело с текстами, с историей, но для него в них содержатся не отвлеченные понятия, а свидетельства веры, которую исповедует он сам. Это помогает ему проникнуть в смысл текстов. На защите я привел пример, связанный с моим первым, консерваторским образованием пианиста: может ли стать хорошим музыковедом человек без слуха и любви к музыке, даже если он вы-

Владимир Гау.
«Портрет митрополита Филарета Московского». 1854

учит назубок всю ее историю и терминологию?

культура: Чем отличается религиозная философия от теологии?

Хондзинский: Они разделяются методологически, хотя темы могут быть одни и те же. Скажем, в работах Владимира Соловьева в основном представлена первая, но есть компоненты второй. Религиозный философ высказывает свою личную точку зрения, богослов стремится установить общецерковную. В этом смысле Григорий Сковорода, которого называю «народным богословом» — все же, скорее, верующий философ.

культура: А чем теология отличается от богословия?

Хондзинский: Вообще это синонимы, различается словупотребление — богословие относится к области церковного Предания самого по себе, теология — наука, изучающая тексты Предания с точки зрения церкви. Пример со стороны: в немецких университетах, где богословские факультеты никогда не закрывались, не преподается «теология вообще», но только католическая или лютеранская, есть где-то даже факультет православной теологии.

культура: Вы, конечно, помните старую советскую максиму: «ученым можешь ты не быть, но кандидатом быть обязан...» Простите, а зачем вам светская научная степень?

Хондзинский: Таких «кандидатов» полно в любой науке. Это понимают и противники научных защит по теологии: если бы у меня была, например, компиляция других авторов без тени собственной мысли, они не упустили бы случая доказать это. Есть же «Диссернет», автоматические средства проверки на плагиат. Но я уже говорил, государственная научная степень важна не столько для меня, сколько для мо-

его университета, для церковной науки в целом.

культура: С бытательской точки зрения, усвоенной еще в советской школе, теология — это какая-то средневековая схоластика: «сколько ангелов уместится на кончике иглы?» Некоторые нынешние антиклерикалы, в том числе с учеными степенями, жестко связывают нынешний упадок нашей академической науки и уровня образования с «мракобесным наступлением попов во всем фронтам» и пытаются яростно с этим бороться...

Хондзинский: Эти люди подменяют понятия. Некоторые просто не знают, о чем идет речь, и не прилагают усилий, чтобы узнать. Другие, напротив, слишком хорошо понимают и целенаправленно борются со всем церковным по глубинному неприятию христианства, что ж, для верующих это не новость. У нас сейчас антицерковное движение, слава Богу, идет, не от государства, как в советское время, но по «общественной», так сказать, линии, от людей, стремящихся сконструировать ложную дихотомию: «общество знаний — поповское мракобесие». Но я настаиваю: богословская точка зрения на церковное Предание и Священное Писание, историю церкви и ее святых нужна и светской науке, без нее спектр представлений об интеллектуальных и духовных процессах, происходящих в обществе, будет неполон, наше знание о самих себе ущербным.

культура: Пять отрицательных отзывов против Вашей диссертации, направленных в ВАК, начались с довольно шумно выложенной в Сеть рецензии доктора биологических наук из Академического Института проблем передачи информации имени А.А. Харкевича Юрия Пан-

чина. Он, в частности, настаивает, что Вы требуете «от исследователя личного религиозного опыта», что «противоречит нормам научного исследования», а также «дискриминирует... специалистов, проводящих научную экспертизу в государственных институтах». В итоге, согласно Панчине, защита подобной работы через ВАК нарушает Конституцию РФ...

Хондзинский: Я ничего не «требую» и лишь констатирую собственную веру, а с текстами работаю с помощью традиционного для гуманитарных наук инструментария. Не я один заметил, что в отрицательном отзыве Панчина и четырех других биологов, солидаризовавшихся с ним, есть неприятие метода гуманитарных наук как такового. Характерно, что в мою защиту выступили светские ученые, которые восприняли критику как атаку позитивизма на гуманитарные науки вообще... Небезынтересно, что, кроме общих тезисов о «ненаучной методологии», замечания ученых биологов сводились к тому, например, что я не опроверг мнение одного советского историка, считавшего, будто бы святителя Филарета звали в народе «Филька» и отсюда пошло выражение «филькина грамота». Как прикажете опровергать такие аргументы?.. Вообще-то, честно говоря, я не ожидал, что столкнусь с такой откровенной злобой и целенаправленно организованной против моей диссертации кампанией.

культура: Организованной?

Хондзинский: Да, это был своеобразный флэшмоб: один советский биолог прислал мне скриншот произведенной среди специалистов его профиля сетевой рассылки в добрую сотню адресов. В непарламентских выражениях ученых призывали, отбросив брезгливость, «поставить попов на место». Отправивший мне это человек написал, что ему стыдно за своих коллег. Предполагалось набросать с полсотни отрицательных отзывов и тем самым сорвать защиту, так как все мнения должны на ней представляться. Однако правильно оформили необходимые для этого бумаги только пятеро. Их отзывы зачитывали на защите около полутора часов, и по каждому я вынужден был отвечать. И хотя все кончилось хорошо — за присуждение мне ученой степени проголосовал 21 из 22 присутствовавших членов Объединенного диссертационного совета по теологии, — для меня все это стало непростым испытанием.

культура: В чем научная новизна Вашей работы?

Хондзинский: В XVIII веке Россия восприняла европейскую секулярную культуру, что изменило очевидным образом и положение церкви. При этом, однако, традиционная точка зрения на вопрос, унаследованная еще от славянофилов, состоит в том, что проблемы западной цивилизации не должны затрагивать православное богословие. Я же доказываю, что достижения православного богословия в том, что оно стало искать и сумело в конечном счете найти ответы на вопросы, поставленные перед ним Новым временем. И святитель Филарет сделал в этом смысле качественный шаг вперед, сумев вписать традиционное богословие в новый культурный контекст. В моей диссертации я не только впервые ставлю этот вопрос, но и показываю, как святитель это сделал и к чему пришел. Это мой скромный дар величайшему и до сих пор, мне кажется, недооцененному богослову XIX столетия в год, когда мы отмечаем 150 лет со дня его кончины.

А кумир-то голый

«ИПЬДЕ В СПИШКОМ МАЛЕНЬКОМ ПЛАТЬЕ», 1995

МУЛЬТИМЕДИА Арт Музей представил ретроспективу Жанлу Сьеффа, одного из самых именитых fashion-фотографов. Ставший легендарным портрет обнаженного Ива Сен-Лорана, как и многие другие снимки, — хорошая иллюстрация метода «старой гвардии», когда вкалывали не из карьерных соображений, а на коктейле из лени и удовольствия. Так описывал свой творческий принцип мастер, и из подобной непрактичности и подчеркнутого гедонизма рождались черно-белые шедевры, сдобренные весьма провокационной иронией.

Выставка «Мэтр высокого стиля», открывшаяся в рамках биеннале

«Мода и стиль в фотографии 2017», не слишком велика по объему: всего 67 отпечатков. Однако представлены главные темы, прославившие мастера: ню и балет, а также портреты знаменитостей. Красивые модели, как шутил Сьефф, были его основным интересом — именно так он находил спутниц жизни. Доля сексизма в подобных заявлениях компенсируется эффектною самих снимков, сделанных с уважением и даже преклонением перед женщиной. Правда, кое-где автор не удерживается от гротескного юмора в духе его коллеги по «Магнуму» Эллиотта Эрвитта. Чего стоит подпись под оголенной «пятой точкой»: «Английский зад» (1969). Оста-

ется только гадать, было ли это выражением многовековых трений между жителями Туманного Альбиона и Франции, которые поляку Сьеффу, рожденному в Париже, могли быть знакомы. Другой пример шуточной «обнаженки» — тень от руки, будто хватающая модель за мягкое место (1985): легкий сарказм с визуальным эффектом нуара.

Балетная тема отражена не столь богато: не хватает, например, портретов Нуреева, Бежара, а также кадров, сделанных в классе и на сцене. Впрочем, кое-кто из звезд все же присутствует: в частности, жена Ролана Пети великая Зизи Жанмер. Есть и герои младшего поколения, обнаруженные в недрах «Гранд-опера», которую в 1983 году возглавил неистовый татарин. Прежде всего, уникальная танцовщица Сильви Гиллем, замеченная Рудольфом в кордебалете и быстро возведенная в ранг этюда.

Работы для модных журналов, представленные в изобилии, заставляют грустить о тех временах, когда модели были невероятно красивы, ракурсы — интересны, а сюжеты — неизбиты. Здесь снова проявляется своеобразное чувство юмора Сьеффа. В кадре для Harper's Bazaar Хичкок, размахивая руками, пугает наморщившую лоб модель — отсылка к «умученным» героиням кинолента. Квинтэссенцией иронии выглядит снимок, озаглавленный «Моя первая модная фотография» (1952): красотка, рисующая довольно диковатый портрет, пародию на современное для той поры искусство.

Среди знаменитостей, позировавших Жанлу, немало имен, в представлении не нуждающихся: Джейн Биркин и Серж Генсбур, Миа Фэрроу, Катрин Денёв, Шарлотта Рэмплинг, Ив Сен-Лоран, Нико, Тви́ги, Жан-Поль Готье. Последнее фото сделано в год смерти Сьеффа, в 2000-м, однако рука мастера все так же тверда. Возможно, благодаря упорному игнорированию новых технологий: мэтр предпочитал снимать по старинке, на пленку, избегая цифровых камер. Еще одно объяснение состоит в том, что «творческое долголетие» — вовсе не навязшее в зубах выражение, а единственная адекватная характеристика для тех, кому небесами было щедро отсыпано таланта.

«ТВИГГИ», 1985

«ИВ СЕН-ЛОРАН», 1969

Полосу подготовила Ксения ВОРОТЫНЦЕВА

Зашнурованы, околдованы

«ЛЕГКОЕ ПОДМАЕЛЬЕ», 2016

ВСТОЛИЦУ нагрянул музыкант и возмутитель спокойствия Сергей Шнуров. Бессменный лидер группы «Ленинград» привез в Московский музей современного искусства «Ретроспективу Брендреализма».

Проект — родом из Санкт-Петербурга, что не слишком удивляет. Город на Неве — постоянный поставщик чудесных образчиков смеховой культуры. Сложно сказать, что является причиной: то ли противодействие депрессивной, промозглой погоде, то ли обычное совпадение. Как бы то ни было, в 80-е отсюда вышли «Митки», а поколением позже — хулиган Шнур. Впрочем, на географии сходство мастеров культуры и заканчивается: последователи Дмитрия Шагина всегда отличались интеллигентностью, а вот руководитель «Ленинграда» ругался со сцены матом, задирал слушателей и отыгрывал всевозможные клише массовой культуры.

Первые песни Шнура были забавны и незатейливы: порой целые строчки состояли из обсценной лексики. Однако тогда, в конце 1990-х — начале 2000-х, они казались глотком свежего воздуха, выгодно выделяясь на фоне мумифицированной эстрады, ничуть, кстати, не изменившейся за последующие десятилетия. Чтобы убедиться в этом, достаточно включить телевизор в новогоднюю ночь. Зато творчество Шнура претерпело серьезные трансформации: из гимна мизантропии и социопатии песни превратились в острейшую социальную сатиру, а клипы вполне могут вызвать зависть у некоторых деятелей отечественного кино. Произошли изменения и в образе самого Сергея: теперь он не просто лидер группы, но гуру и генератор идей — эдакий современный Энди Уорхол. Фабрика тоже прилагается: под вывеской «Ленинград» нередко выступают другие вокалисты, а экспонаты для вы-

ставки готовил не мэтр, а специальная команда. Правда, под его идейным руководством.

На пресс-конференции Шнур вспомнил, что в 2006-м уже устраивал вернисаж в Москве, но тогда был наивен и с удовольствием писал маслом. А потом прочел эссе Ролана Барта про смерть автора, понял: нужно отложить кисти и делать то, что хочется. Нынешняя экспозиция весьма иронично представляет как царство брендов — или, как сказали бы французские философы, вселенную симулякров, — так и саму сатиру. Здесь и вязаный ковер с названием «Земфира. Жив», и надгробная плита с фото в виде селфи, и торжественно водруженный в позолоченную горку портрет Стаса Михайлова, а также инсталляция «Лепспел»: рюмка с прозрачной жидкостью и очки с фиолетовыми стеклами.

Для Шнура нет никаких запретов: он потешается и над политикой (разноцветное изображение человека, похо-

«БЕЛАЯ», 2016

жего на Виталия Милонова), и над популярной культурой (Анастасия Волочкова, сложившая пуанты в молитвенном экстазе), и над современным искусством (кубик Рубика, раскрашенный под картины Пита Мондриана). Снобистки настроенный зритель может заметить, что многие штампы — будь то узор Луи Вуйттона на гитаре («Русский рок») или те же лабутены из одноименного хита — реалии почти десятилетней давности: благополучной докризисной жизни нулевых, эпохи относительной сытости и благоденствия. Примерно тогда же, кстати, был написан манифест «Брендреализма». Нынешняя действительность куда суровее, и ее чертой является, скорее, позолоченное антипотребление. Однако «догоняющий» характер произведений Шнура не случаен: модные тренды всегда долго доходят до массовой культуры, и то, что носил средний класс, лишь через год-два-три «спускается» в народ.

В финале пресс-конференции Сергей достаёт сигарету и затягивается. Когда кто-то из журналистов спрашивает, можно ли к нему присоединиться, с совершенно серьезным лицом отвечает: «Нет, что Вы. В помещении курить нельзя». И становится понятно, что главный экспонат здесь — сам Шнур.

Словно трикстер, он не подчиняется всем правилам и переворачивает все вверх дном. Его «картины» — те же «дырки в задницах» из «Завтрака для чемпионов» Воннегута: смешно, нелепо, неприлично. Впрочем, подобный образ — всего лишь маска: имидж «алкоголика и придурка» примерил человек умный и насмешливый. Недаром писатель Жан Жене утверждал: верхом элегантности является умение обрести гармонию с вещами дурного вкуса.

В целом грандиозный многолетний карнавал, частью которого является и выставка, — не столько юродство, сколько вполне трезвомыслящее «шутейство», от которого главный герой получает искреннее удовольствие. Когда-то смешные мужички с бубенцами на шапке могли дерзить и говорить правду королям. Шнуров излагает ее нам, людям «позолоченного» века. Что делать — слушаем.

Зимовье людей

Михаил БУДАРАГИН

В МОСКВЕ — то дождь, то снег, то град, в Петербурге — ветер сбивает с ног. Начался июнь. Прикупил шарф и шапку, можно выслунуться на улицу. В социальных сетях, на форумах и в личных сообщениях — одно и то же: как же холодно, «10 советов — проведи лето и не околеет», «как вернуть улетевший зонтик». Еще в мае эти шуточки казались смешными, теперь — не очень. Утомляют и разговоры о «глобальном потеплении» — сто сорок пятый комментарий эксперта — мол, «речь идет об изменении климата». Да, мы уже поняли, спасибо.

У нынешних холодов существуют два серьезных измерения — экономическое и человеческое. Вопрос о том, что будет с урожаем, мы привыкли считать праздным, однако Россия в значительной части живет с приусадебных участков, где картошка, помидоры, капуста, яблоки, ягоды: садоводам Ростовской области, наверное, бояться нечего, а вот уже в Екатеринбурге — плюс 9, в Казани — плюс 11. Есть от чего схватиться за голову. Пострадают, конечно, и крупные агрохолдинги, а значит, впереди — уже осенью — нас ждет рост цен. Сначала на «плодоовощную продукцию», а потом — на все, по инерции. И на мандарины из Марокко тоже. С скромные цифры в 0,5–1,5 процента, которые в статистических отчетах смотрятся очень умеренно, в реальности — ценная реакция: здесь на сто рублей больше, там — на двести, в сумме — удар по кошельку (вспомним, что многим еще детей в школу собирать, и суммы выходят не маленькие).

Но дело в том, что жаркое лето — это еще и социальное самочувствие, и общекультурная доминанта. Мы все-таки не в Исландии живем, валяться на траве хотелось бы без куртки. За три месяца обычный человек, очень далекий от революций большого мира с его терактами и

очередным витком противостояния на Ближнем Востоке, немного выдыхает, собирает с силами. Таков порядок вещей.

Современный мир дурно устроен: все меняется слишком быстро. Сегодня в тренде мальчик, собирающий милостыню на Арбате (прошла неделя — где он, кстати? никому уже не интересен), завтра — какие-то темные дела вокруг Катара, послезавтра — лесные пожары. А ведь у людей есть еще и работа, где план выполнен, реструктуризация, новые везания каждые три месяца, поиск заказов и борьба за увеличение объемов. Я уж молчу о гаджетах, соцсетях, всей медиамашине: хватает скорости и без них.

А человек существо медленное, он инертен, ему нужен если не покой, то точка опоры: пришел, открыл дверь, а там пес (или кот), и все понятно, хорошо. Лето было нашим домашним любимцем, терпеливо ждавшим возвращения хозяина: вот тебе солнце, ночные прогулки, и все даром, ничего не нужно взамен. Ты прожил осень и зиму, получи же кусочек счастья. Что бы там ни было в июне, июль и август у нас не отнять.

Нет, ничего подобного. Изменились и времена года. Малоснежные теплые зимы, лето со снегом, короткая сухая осень, холодная весна — все с ног на голову. Ждать заветных «плюс тридцати»? Опустили руки? Как вообще планировать свою жизнь?

Ответов нет. Партия и правительство, к которым у нас обращаются по поводу и без, за дожди и снег не в ответе. Маги и колдуны промышляют в основном личными проблемами (приворот-отворот, новую машину купить), и никто не знает,

как теперь жить. Неопределенность всегда нервнует куда больше, чем сама беда, и сейчас именно такое время.

Может быть, все образуется, как знает. Но вдруг погода за окном — это сигнал, который отправляет нам мироздание? Религиозный, символический. Люди, мол, вы прекратите влезать в Рай на автоматизме «я не творю откровенного зла, авось проскочу», будьте готовы, как пионеры и ранние христиане, ко всему, потому что дальше будет не лучше и не хуже, а совсем иначе, так, как не случилось еще никогда. Потренируйтесь пока на дожде, есть время.

Не уверен, что этот тезис понятен. Вот патриарх Кирилл заявил на днях: «Мы все пользуемся мобильными телефонами, но ведь не сама эта коробочка передает информацию от нас тому, кому мы звоним. Нас окружает невидимое энергетическое поле, и через телефончик мы с этим полем соединяемся. Точно так же Святой Дух — это духовная энергетическая сила, которая объемлет всю вселенную». В ответ раздался дружный гогот «прогрессивной общечеловечности»: «ааа, мол, телефоны нам запретить хотите, мракобесы?»

И почему-то никто не подумал прямо сказать о том, что, возможно, представьте себе, предстоятель Русской православной церкви прав. Без особых сложносочиненных умствований: прав — и все. Да, Святому Духу по мобильнику не дозволишься, лета по-язычески не выпросишь, и нам всем тут придется зимовать. Вместе. Зимовье людей в мире, который — как мы все выясняем понемногу на собственной шкуре — еще умеет удивлять. То ли еще будет, сколько впереди открытий. Можно впрок запастись средством от разрыва шаблонов.

Автор — шеф-редактор газеты «Культура»

Бывали хуже времена

Егор ХОЛМОГОРОВ

НАИНА Ельцина назвала 90-е годы «святыми». Спорить ли с немолодой уже женщиной? Понимает ли она, о чем вообще говорит?

Бывают эпохи, когда на авансцену истории выходят праведники, преодолевающие ужас окружающего мира. И мы в последнее десятилетие XX века стали народом, далеко перешагнувшим пределы светской «обычности».

Только такие люди могли работать за отсутствующую зарплату на уничтожаемых и раскрадываемых фабриках и заводах, сеять рожь и пшеницу среди общего запустения и краха, продолжая заниматься фундаментальной наукой.

Лишь святые могли стоять вокруг отрезанного в октябре 1993-го от всех коммуникаций Белого дома, защищая Конституцию и пытаясь остановить колесницу «рыночных реформ», а потом идти грудью под пули, сопротивляясь кровавому государственному перевороту. И, будучи преданными своими командирами и главнокомандующим, сражаться и умирать в черные дни «новогоднего штурма» Грозного, принимая мученичество за Христа в плену, как Евгений Родионов.

Разве обычные граждане могли сохранить свою идентичность во времена, когда во всем «цивилизованном мире» имя нашей нации стало клеймом насмешки и позора, когда русских на постсоветском пространстве изгоняли, грабили, убивали? Расправлялись с народом кое-где и в пределах Российской Федерации, там, где местные начальники последовали ельцинскому призыву «берите суверенитета сколько хотите».

Больше того, мы с оружием в руках сражались за безнадежное дело, стояли, не щадя живота своего, за обреченных на уничтожение Новым мировым по-

рядком народов — в Приднестровье и Боснии, Осетии и Сербии... А еще молились, возводили храмы, возрождали старинные обители, учили детей в воскресных школах с протекающими крышами и сколоченными из досок партами, в то время как вокруг бесновались сектанты, колдуны и гур, а сатанисты прознали монахов Оптиной пустыни ножом в сердце.

Наши предки часто называли годы невзгод и мук «Божим посещением». И 90-е, несомненно, были для огромного народа именно таким временем, позволяющим раскрыть лучшие качества русского духа, не сокрушенного даже долгой эпохой безбожия: терпение и горячую веру, выносливость и изобретательность, любовь к Родине вопреки всему и умение быть с нею в любых испытаниях.

Но, простите, где в этой священной драме место для Ельцина, его супруги и с позволения сказать, соратников? С какой стати они напяливают нимбы?

В истории русской власти случались периоды жестокости, несправедливости, бессмысленности. Но никогда страна не видела большего маразма, разложения и безысходности, чем в правление Ельцина. Отвратительный всесмехливый ад пустоты и ничтожества, затягивавший в себя нацию, государство, — действительно, «бывали хуже времена, но не было подлей».

Никогда за всю тысячелетнюю историю русский человек не презирал государство и себя сильнее, чем при Борисе Николаевиче. Самоуничтожению народа, отражавшемуся в кривых зеркалах шен-

Автор — публицист

От глобальной деревни не спрятаться

Николай ФИГУРОВСКИЙ

МИР — как писал канадский исследователь Маршалл Маклюэн — за прошлый век стал настолько пронизан, что все теперь — соседи, хотим мы того или нет. Воскресное утро началось с цепи трагических сообщений: это было как сельский пожар, который идет от дома к дому. Теракт в Лондоне. Минимум семь погибших. В Германии афганец в лагере для беженцев взял в заложники и затем умиртвил русского ребенка. В садовом товариществе под Тверью мужчина убила девять человек «на почве бытовой ссоры». Если добавить 16 жертв урагана в Москве и серию терактов в Кабуле, унесшую 120 жизней, и все это за одну прошлую неделю, возникает ощущение предвстия апокалипсиса.

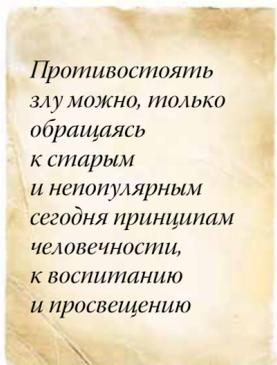
На самом деле картина привычная, просто события чаще всего размазываются тонким слоем по всей неделе, а сейчас уместились в два выходных дня. Удивительно другое: наши СМИ внезапно вспомнили, где именно живут их читатели и зрители. По традиции онлайн из Европы шли в начале новостных выпусков телеканалов и в топках агентств. И вдруг «Россия 24» нарушила привычный порядок и стала показывать ужас в Твери. Кажется, такое обращение к отечественной действительности в ущерб зарубежной произошло впервые за очень долгое время, и это симптоматично. Своя хата оказалась ближе, чем соседский дом.

Дело ведь не в том, где убийство ужаснее и кого более жалко. Но за последние пару лет международная повестка предельно жестким образом вытеснила внутрироссийскую. Посмотришь новости — а там на выбор: борьба Трампа с конгрессом, Макрона с Фийоном, Меркель с Америкой, Украины с самой собой. Конечно, глобальный мир, информационная революция, интернет, однако невозможно же настольно отрываться от родных реалий.

Теракт в столице Великобритании — уже третий за несколько месяцев. Заказчики и механизм осуществления кровавых акций с виду весьма схожи. В Лондоне даже мэр-пакистанец неоднократно получал

обвинения в благоволении агрессивным исламистам. Все слишком очевидно и предсказуемо.

В отличие от английской трагедии ужасная история в садовом товариществе «50 лет Октября» близ поселка Редкино Конаковского района Тверской области — сюжет более редкий, но для нас — отчасти типовой. Сидят люди, потребляют спиртное, один другому говорит нечто обидное, «жертва» хватается за то, что пришлось под руку, восстанавливает поправную справедливость, после чего садится и ждет полицию. Год назад охранник из Егорьевска выпивал с байкерами на мотофестивале; ему сказали — плохо, мол, ты едешь,

он взял «Сайгу» и расстрелял пятерых. Теперь электрик из Конаково «душевно проводил время» с соседями, хватался службой в ВДВ, а кто-то брякнул, что он, дескать, и в армии-то не был. Оскорбленный «ветеран» съездил домой за, опять же, «Сайгой» и погубил девять душ.

Расстрел в Редкино уже дал новый импульс спорам о том, нужно ли легализовать огнестрельное оружие. Сторонники этой меры твердят, что при повальном свободном ношении огнестрельного убийца побоялся бы нарваться на ответный выстрел. Думает-

Автор — политолог

Уроки сочувствия

Платон БЕСЕДИН

ЗА НОВОСТЬЮ о теракте на Лондонском мосту мы не заметили другую, не менее важную: в Мурманске охранники не пустили в кафе детей-инвалидов. А обратил внимание на это стоило бы.

Более того, устроить полномасштабный разбор. Обсудить не погубившую Украину и не коварный Запад, а наши, внутренние, проблемы. И отношение к инвалидам в России — одна из них. Не только из-за того, что в стране их свыше 12 миллионов, но и потому, что затронут глумливый сюжет: в обществе становится все меньше сочувствия к тем, кто от нас отличается.

Недавно я был свидетелем того, как 90-летнего ветерана выгоняли из дома престарелых в Севастополе. И это не единственный случай. В Омске пенсионера вообще выставили из автобуса из-за неприятного запаха. А что делать с теми, кому еще тяжело? С инвалидами? У них — глобальные сложности и с общением, и с адаптацией, и с образованием, и с материальной и медицинской поддержкой. Например, существует лишь школьная подготовка инвалидов в интернатах, слабейшего уровня, далее — образовывайся сам. Вызв не берут на себя ответственность за обучение этой категории граждан.

Если раньше были специальные программы по трудоустройству инвалидов, то сейчас их шанс найти работу стремится к нулю. Да и жизнь — от специального оснащения в санузлах и перил на лестницах — в полной мере не рассчитана на людей с ограниченными возможностями. А главное — все возрастающее презрение и насмешки по отношению к ним.

Еще одна новость — в Санкт-Петербурге на автобусной остановке замерзла пенсионерка. Ее доставили в больницу ранним ут-

ром, но не успели спасти. Видимо, негде было ночевать, и никто не подошел в миллионном городе.

Я хорошо запомнил своего ровесника знакомого, который брезгливо отворачивался, когда видел лежащего на земле человека. «Пьяный», — цедил и спешил дальше. А потом у его отца схватил сердце. И он свалился на улице, а никто не подошел. Думали, наверное, — перепил.

Жить не для себя — вот то важное, что мы потеряли. Чье-то горе — это не бегущая строка из ленты новостей, причувающей нас быть равнодушными. Нет, это всегда персонализированное страдание. И помочь ему, унять его, пусть и отчасти, — значит внести очень нужную лепту в преодоление общей беды.

Я бы даже не называл это альтруизмом. В помощи ближнего есть и своя, если угодно, выгода. Общество — единый организм, и, делая лучше кому-либо, мы делаем лучше целому, стало быть, и себе лично. В фильме «Дурак» Юрия Быкова на сей счет есть очень точная фраза: «Неужели ты не понимаешь? Мы живем, как свиньи, и умираем, как свиньи, только потому, что мы друг другу никто».

Поднимаем ближнего, мы поднимаем и народ, и страну, и себя. Учимся постижению того, что человек рядом не случаен, что он такой же, как мы, а следовательно, заслуживает того же.

Иначе побеждает фашизм, который, как верно заметил Камю, — это всегда презрение. К инвалидам, не допущенным в кафе, или пенсионерам, замерзающим на

автобусных остановках. Равнодушные к ним неизбежно спяно с презрением.

И последнее. Когда в сотый раз я слышу разговоры о поиске национальной идеи, то удивляюсь — вот же она, наука любви, понимания ближнего, подвиг, сопряженный с жертвой, и в то же время будничным актом. Что мешает воплощению простой мысли, о которой сказано столько раз, понятно. Как ситуацию исправить — вот вопрос.

Кажется, что рано или поздно количество плохих новостей перерастет в качество и будет организована какая-нибудь комиссия или даже заведено агентство — РосДобрСтрой, например, или Федеральное бюро милосердия. Сядут умные люди, напишут план лет на десять, будут исполнять: мероприятия, отчетные концерты, публикации в СМИ. Будет ли толк? Не знаю.

Вспомним повесть Валентина Распутина «Уроки французского», все проходили ее в школе. Лидия Михайловна, учительница, рискует собственной карьерой, статусом, будущим, но спасает главного героя от полуголодного существования. Женщина в нарушение всех и всяких норм садится с гордым мальчиком играть в «замеряшки»: только так ему можно дать столь нужные деньги.

Уроки языка Лидия Михайловна тоже дает, но главная наука здесь — сочувствие и принятие, без дидактики и демагогии, нравуочений и осуждений («ишь, еще и не берет, возомнил»). Нет сегодня более актуального, сильного и точного примера того, как именно нужно жить. Опасно, трудно, «выглядит странно», но эта наука точно пойдет впрок.

Автор — писатель

Умом агента не понять

Николай ИРИН

Американский телеканал Showtime продолжает показ третьего сезона «Твин Пикса». У нас он с легкой задержкой транслируется на ТВ-3. Восемнадцать постепенно вводимых в оборот серий, как и прежде, придуманы Дэвидом Линчем в соавторстве с Марком Фростом. Фанаты сериала, а таковых немало, взяли под козырек и приготовились, кажется, не столько даже получать удовольствие, сколько благоговеть и поклоняться.

В финале второго сезона в «Черном Вигваме», помещении с причудливой планировкой, где застряла душа агента Купера, покойница-старшеклассница Лора Палмер послала ему встречу через 25 лет. Верил ли кто-нибудь в то, что фигура речи подвигнет соавторов на исполнение столь неосторожного обещания? Удивительный случай, когда художественная образность обязала саму жизнь соответствовать: свидание с постаревшими героями таки состоялось.

Последовательный просмотр нового сезона, как и материалы давно минувших дней, провоцирует на вопрос: а насколько это все серьезно? Интрига тормозится до того решительно, что, кажется, фактически игнорируется. Скалдывает ощущение, что Линч вообще не заинтересован в достоверном нарративе. Экцентричные, да чего уж там — откровенно глуповатые, порой на грани дебильности персонажи отвлекают внимание на свои частные проблемы. Тысячу раз виденные, клишированные ситуации из американской кино-телепродукции, зачастую всего лишь визуально переработанные, приотливно тасуются и своевольно склеиваются. От серии к серии, от эпизода к эпизоду в душе доверчивого зрителя накапливается раздражение по поводу того, что постановщик внаудачу отказывается от борьбы за душевспасительные смыслы. Уже не шархатан ли он?! Забавно и поучительно читать комментарии поклонников. Те, кто получил от новых серий новое удовольствие, формулируют броско и отчаянно: «Такой шедевральной наркомании в жизни не видела», «Артаксус. Наконец-то артаксус, а не масскульт». Разочарованные тоже не робеют: «Ждал мощного детектива, а тут какая-то обдолбанная псевдоэзотерическая ерунда».

Если говорить о формальных аспектах постановки, необходимо отметить парадоксальное сочетание фактически пародийного повествования с эпической интонацией, которая этому содержанию соответствует. Монументальная музыкальная тема от Анджело Бадалamenti, донельзя рассудительный темпоритм и эмоциональная вовлеченность напряженных персонажей во всякую бытовую пустяковину с первых минут первой серии первого сезона отвлекают внимание от скабрёзных шуточек, перемешанных с фривольными намеками. Так, название местечка Twin Peaks и соответствующее схематичное изображение явно обозначают женскую грудь, а гигантскими деревьями, конечно, шифруются фаллосы. Линч с самого начала сериала едва ли не издевательски переключает регистры. Характерен, если не восхитителен, в этом смысле момент, когда прибывший расследовать убийство старшеклассницы агент Купер, важно расспрашивая Трумэна о деталях, внезапно натягивает на лицо маску наивного восторженного простака со словами: «Шериф, что за деревья тут растут: большие, величественные?!» — «Это Дугласовы пихты, сэр».

Выглядит в точности как диалог отъявленных, хотя и не слишком изобретательных комиков. Необходимо лишь внимательно и непредубежденно отслеживать актерские манеры. Не случается врезавшийся в память эпизод, кажется, уже нового сезона, где бойкая женщина-патологоанатом, вскрывая труп с неуместными шутками-прибавками и встречая удивленную реакцию присутствующих, неуклюже оправдывается: «Я все еще увлекаюсь стэндапом».

И старый, и новый «Твин Пикс» при всех различиях, о которых ниже, равно как и обрамляющие первые два сериальных сезона, сходные с ними по стилю полнометражные зачатки Линча «Синий бархат» и «Дикие сердца», сделаны человеком, который давно и внимательно себя изучает. В недавней книге «Поймать большую рыбу» Линч признается: «Когда я впервые услышал о медитации, меня это совершенно заинтересовало. Мне даже не было любопытно. Казаюсь, это всего лишь пустая трата времени. Единственное, что меня привлекало, так это фраза: «Настоящее счастье находится внутри». «Но это же издевательство, — подумал я, — где находится это «внутри» и как туда попасть?»

Однако что-то в этой фразе мне понравилось».

Художественный метод Линча сводится к небезопасному путешествию «внутри». Его глубоко личностная задача — моделирование этого пути экранными средствами. В отличие от подавляющего большинства кинематографистов, по умолчанию принимающих приотливую жанровую образность за некий, пускай деформированный, пускай гротескный и удрученный, но все-таки слепок с так называемого реального мира, Линч хорошо осведомлен о том, что общеприятельная образность есть по большей части химера, игра взбесившего ума.

Все базовые мировые религии ведут борьбу за то, чтобы освободить человека от губительного влияния его горделивого и самонадеянного разума. Воистину гениальная находка Линча — незабываемый образ спецгента ФБР Дейла Купера. В первых сезонах Кайл Маклахлен играет призрачного красавчика, который на все сто уверен: контроль над любой ситуацией возможен, мысль всемогуща, а тайна будет раскрыта. Его обаятельная гримаса воскрешает в памяти строки отечественного гения, Юрия Кузнецова: «И улыбка познания играла на счастливом лице дурака».

Забавная и психологически обусловленная деталь: Купер неизменно комментирует происходящее, обращаясь через диктофон к некоему удаленному адресату. Его самоуверенной, вынесенной вонне болатовой Линч остроумно обозначает непрекращающийся во всяком человеческом сознании бессмысленный и отчуждающий от смыслового ядра «внутренний монолог».

Постепенно выясняется, что тайна никак не разгадывается, сознание вязнет в новых и новых подробностях. Количество клишированных объяснений, равно как и персонажей, множится, после чего растерявшийся ум идет на сделку со здравым смыслом. Если сначала Купер уповал на «логос», предполагая получить нужную информацию из букв, почему-то спрятавшихся под ногтями жертв, то со временем он начинает психически зависеть от таких объяснительных схем, где «совы не то, чем они кажутся», потому что легко отдадут свое тело за кадром, но поиск своего «я» за пределами самопознания в конфликтном поле собственных практик. И тут уже собирательный «художник XX века» обернулся лишним человеком толпы — безликим клоуном, воршишкой, побирушкой, маскирующим лакейское «что изволите» имитацией буиного помещика. Самозванный эскapist, являющийся фронтменом и одновременно неудобочитаемым иероглифом современного искусства, формулирующим коллективный запрос «новаторов» на крайнее опрощение и возвращение к истокам творчества, в лоно матери-природы.

В символической роли этакой любвеобильной, но равнодушной Изиды и функционирует Бланшетт, декламирующий в галереях, на похоронах, за обеденным столом и посреди мусорной свалки: «Мы должны, да будет, и настанет, очистим, уничтожим, воспо-

стоятельного обитателя «Черного Вигвама».

Все это — отнюдь не «бред сумасшедшего». Наоборот, как раз пресловутый «ум» поставил агенту Куперу самый экзотический материал для объяснительных моделей. Вышеприведенная оценка фанатки сериала, дескать, наконец-то не маскуль, но артаксус, в корне неверна. Линч паразитирует именно на высокоразвитой американской массовой культуре, которая, подобно гигантскому и высокотехнологичному комбинату, перерабатывает в демократичную, общедоступную образность и старинных немецких романтиков с их любимыми двойниками, и великий национальный роман от Мелвилла до Фолкнера, и виртуозно балансирующего на грани между мистикой и выдумкой Карлоса Кастанеды.

На своей потаенной глубине сериал критикует и высмеивает претензии коллективного разума, чрезмерно доверяющего силе будто бы безупречной «логики», и в этом смысле является продуктом умным, высоколбым. Вместе с тем к «загадочным интересностям» как первых сезонов, так и третьего с легко-

стью и замирием сердца подпадают граждане, никогда не читавшие ни Шамиссо с Гофманом, ни Фолкнера с Бёрнсом. Знаковое и значимое стихотворение последнего уместно процитировать, расширив ключевую для первого сезона строчку «неверен здесь ничей расчет», до финального куска, где незадачливый пахарь обращается к разоренной его плугом полевой мыши с нескрываемой завистью: «И доля горестной моя: / Вся в настоящем жизнь твоя; / А мне и в прошлом вспоминать / Ряд темных лет, / И с содроганьем ожидать / Грядущих бед».

Бёрнс хорошо формулирует ключевую мысль Фроста с Линчем: человеческий ум почти никогда не может удержаться в рамках текущего момента, но с пугающей готовностью путешествует во времени, как правило, подсекаясь в чужие тела и обстоятельства, отправляя ничемные культы, вроде поклонения «очевидным истинам», питая болезненную склонность к таинственности и опасному переживанию, будь то секс или насилие, страх или надежда.

В первых сезонах зрителей, кроме прочего, гипнотизировал высокий уделный вес напря-

женных ситуаций на квадратный метр твин-пиковской почвы. Постепенно маленький провинциальный мир словно выворачивал себя наизнанку, обнаруживая несоизмерную с числом «обыкновенных» жителей городка плотность психической жизни.

В третьем сезоне действие стремительно перемещается из одного населенного пункта страны в другой. Было даже замечено легкое сотрясение основ мироустройства в иностранном Буэнос-Айресе. В первых тридцати сериях авторы опробовали такое количество мыслительных схем, внедрили в экранную жизнь столько парадоксов, что теперь перед ними стояла совсем трудновыполнимая задача: удивлять, не повторяясь. Но, похоже, Линч и его неизменный соавтор так хорошо разбираются в комбинаторных способностях его величества ума, что придумав в нужном количестве, равномерно разбросали сладкие сюрпризы с инновационными решениями по всему пространству истории.

На сей раз «Твин Пикс» снимали как один огромный фильм и лишь на стадии окончательного монтажа разбивали на серии. Это чувствуется: безупречная ритмическая организация материала сигнализирует о длинном дыхании. Уже вброшено столько заготовок, а пресловутый «бред» начнется только тогда, когда очередной серии, приберегаемой прокатчиками до начала новой недели, непростой.

Некогда красавчик-позитивист, Купер теперь постарел и раздвоился: его подлинник демонстрирует заторможенную невменяемость, а тень — агрессив-

ную предприимчивость. «Что со мною происходит?» — «Кто-то подделал тебя. С определенной целью». Человек, который в первых сезонах по долгу службы, а, впрочем, еще и по личной склонности, прикасался к темным сторонам бытия, закономерно воли в нечто черное.

Этот сериал еще и о том, что безосновательное бснование ума, в сущности, главная опасность для человека, ведь социальные проблемы подтягиваются после, спровоцированные этим самым бснованием. «Знаешь, умершие не уходят навсегда, их руки крепко нас держат», — коллизия неотменимая, знакомая фактически каждому. Лора Палмер так прямо и формулирует: «Меня убили, но я жива...» Выстроить огромное кино длиной в двадцать пять лет на этом универсальном образе — дело интригующее, но и поучительное.

Наконец, аспект, вызывающий у меня едва ли не самое большое восхищение. «Твин Пикс» создает подлинный поэт, человек, знающий цену не только умственной суете, но и человеческой заурядности. Цена, как ни странно, высока. Просто потому, что заурядность обманчива.

Предъявлены сотни персонажей, каждый из которых ничтожен и смешон, но вместе с тем все они оправданы перед высшими силами, все авторскими усилиями освещены надмирным светом и потому красивы, значительны. У каждого за душой психологическая бездна, подобная той, что позволяет агенту Куперу держать нас в радостном напряжении четверть века.

Годар шагает впереди

Алексей КОЛЕНСКИЙ

Переворотив гору книжек, немецкий теоретик поймав художников XX века на слове в тот неловкий момент, когда искусство превратилось в иллюстрацию манифестов творцов. Затем Джулиан Розефельд предложил Кейт Бланшетт поработать живой иконой и озвучить догматы футуристов, сюрреалистов, супрематистов, ситуационистов, дадаистов и киноавангардистов в фильме-коллаже «Манифесто».

«Манифесто». Германия, Австралия, 2016

Режиссер: Джулиан Розефельд
В ролях: Кейт Бланшетт
16+
В прокате с 8 июня

Комичное очарование этого ревизионистского перформанса пришлось по душе отборщикам Санденса и роттердамского фестиваля: Розефельд и Бланшетт представили классиков актуального искусства как заложников по видимости взаимоисключающих, а на деле взаимно пародирующих художественных стратегий. Дабы не стать участником бесконечных словопропней, режиссер обеспечил свою «говорящую голову» тройной защитой: тринадцать образов героини Бланшетт, среди которых божья, домохозяйка, мать-одиночка, ученая, вдова, учительница, диссонируют с декларируемыми ими же постулатами, окружающим ландшафтом и собственным «я».

Закономерно, пиршество духа открывает озорная живая картина — трое старушек-веселушек запускают петарды на фоне заводских руин, а мимо, бормоча себе под нос, тащится бродяга. Вслух Бланшетт провозгласит сентенцию Маркса о смерти капитализма и «исчезновении всего словесного и застойного». Оправдались

ли эти надежды? В головах провозвестников новых эпох и последних истин — безусловно. Разрушив коммуникации и конвенции, авангардисты оказались обречены на поиск своего «я» за пределами самопознания в конфликтном поле собственных практик. И тут уже собирательный «художник XX века» обернулся лишним человеком толпы — безликим клоуном, воршишкой, побирушкой, маскирующим лакейское «что изволите» имитацией буиного помещика. Самозванный эскapist, являющийся фронтменом и одновременно неудобочитаемым иероглифом современного искусства, формулирующим коллективный запрос «новаторов» на крайнее опрощение и возвращение к истокам творчества, в лоно матери-природы.

В символической роли этакой любвеобильной, но равнодушной Изиды и функционирует Бланшетт, декламирующий в галереях, на похоронах, за обеденным столом и посреди мусорной свалки: «Мы должны, да будет, и настанет, очистим, уничтожим, воспо-

ем и прославим...» Во имя кого и для чего? Провозглашаемый на все лады нонконформизм демонстрирует бессилие «протетеев» буржуазии перед собственным инфантилизмом.

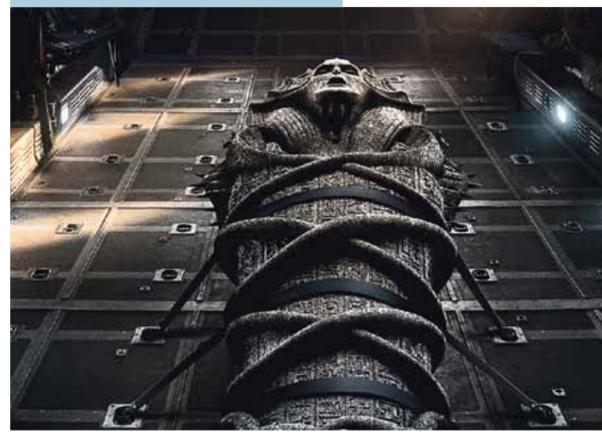
Логичный вывод о судьбе современного искусства остается за кадром, но следует из образной ткани перформанса: недалек тот день, когда от авангарда останутся неидентифицируемые останки, а искусство вновь переедет во дворцы и обретет изящные формы нового рококо. Только массы его уже не увидят. И никто не вспомнит тогда имена цитируемых Казимира Малевича, Андре Бретона, Элейн Стертевант, Сола Левитта за компанию с «догматиками-95». Уже и в розефельдовском театре теней безусловно узнаваемым остается единственный художник — Жан-Люк Годар.

Принцесса тебя догонит

Алексей КОЛЕНСКИЙ

На экранах — первая сага вселенной Universal. Старейшая голливудская студия решила бросить вызов выдохшимся марвеловским суперменам и воскресить ретромонстров тридцатых годов. Первой стала легендарная «Мумия». Идея была удачной — постановщик «Иллюзий обманов» Алекс Куртцман продемонстрировал прекрасную жанровую форму.

«Мумия». США, 2017
Режиссер: Алекс Куртцман
В ролях: Том Круз, Рассел Кроу, Аннабель Уоллис, София Бутелла, Джейк Джонсон
12+
В прокате с 8 июня

Скоротав ночь в объятиях юной блондинки и умыкнув карту, помеченную знаком «Харам», охотник за сокровищами Ник (Том Круз) открыл таинственное подземелье. Но не успел разжиться добычей — коварного парня настигла разъяренная фурия. Оказавшаяся опытным археологом Джени (Аннабель Уоллис) увлекла соблазна на самое дно пропасти, где тысячелетиями пылалась заживо погребенная египетская принцесса Аманет.

Саркофаг был извлечен и упакован в самолет, но до Лондона не долетел — в авиакатастрофе выжили Ник, Джени и пробудившаяся мумия Аманет (София Бутелла). Воспылав любовью к спасителю и напившись человеческой крови, чудовище решило наградить парня бессмертием, предварительно принеся его в жертву ставшему почему-то кровожадным богу Тоту.

Ник отнюдь не жаждет уступить монстру свое тело, однако выбирать не приходится: босс подруги, руководитель тайного подразделения Доктор Джекил (Рассел Кроу), намерен поймать древнее зло «на живца»... Условная фабула, украшенная каскадом аттракционов и гогов, служит здесь каркасом дав-стории: налево пойдешь — брюнетку найдешь, направо — блондинку вернешь... Впрочем, искаемая египетская принцесса Аманет, пусть сокровищ догадывается, что в любом случае ему придется иметь дело с одной и той же девушкой, представляющей то в солнечной, то в темной ипостаси. Но с какой из них стоит «строить отношения»? Союз с эмансипированной Джени не сулит никаких чудес, неистовая Аманет требует в обмен на наслаждение душой. Очутившись между молотом и наковальней, Ник пытается сбежать от обеих, но безуспешно — помыкавшись, осознает: от судьбы не уйдешь, а с кем свяжешься и куда заведет дорожка, в ад или рай, — это как карта ляжет. Того же мнения придерживается и отец суженой Джекила, давно и безуспешно сражающийся со своим бесом, мистером Хайдом. Опыт будущего тестя весьма нагляден: уклоняющийся от боя с черным человеком герой немедленно становится добычей дьявола. Лишь тот, кому повезет обнаружить и одолеть внутреннего врага, может претендовать на счастье в личной жизни.

Есть у «Мумии» и ревизионистская сверхзадача: соавторы заманулись на миф «Звездных войн» об Энакине Скайуокере, ради спасения возлюбленной вставшем на Темную сторону Силы и обернувшимся Дартом Вейдером. Маккуорри с Кеппом настаивают на обратном: даже ад не властен над героем, пока он не отречется от борьбы.

Ваше место в плацкарте

Денис СУТЫКА

Режиссер Марина Брускикина поставила на Новой сцене МХТ имени Чехова пьесу Ивана Андреева «Боюсь стать Колей». Корреспондент «Культуры» одним из первых посмотрел спектакль, в котором за дерзкой комедией скрываются рассуждения о незавидной участи современного мужчины.

Произведение уральского автора, победившее на конкурсе «Евразия» и вошедшее в десятку лучших за 2016 год по версии смотра «Кульминация», неожиданно пришлось ко двору в МХТ. Впервые оно прозвучало в проекте «Круг чтения» и было тепло принято зрителем.

Брускикина, испытывающая пиетет к новой драматургии, не могла пройти мимо такого подарка, хотя острая пьеса, изобилующая нецензурной лексикой, скажем прямо, смотрелась бы органичнее на экспериментальной сцене. Андреев, окончивший когда-то режис-

серский факультет и долго работавший в журналистике, по стилю и проблематике близок землякам Николаю Коляде и Василию Сигареву.

Действие истории развивается в знакомом до боли каждому россиянину плацкартном вагоне поезда Уфа — Екатеринбург. Как скоротать путь, занимающий 16 часов? Естественно, алкоголь, разговоры за жизнь и поеданием несвежей курицы. Главный герой — молодой ученый Алик (Данил Степков) едет к невесте. Во время экспедиции смекалистая девица забралась к нему в палатку и теперь требует свадьбы. По дороге Алик не только успевает влюбиться в попутчицу Полину (Ольга Литвинова), но и понять, как жить не хочет.

В отличие от своих предыдущих работ на сей раз Брускикина доверилась спонтанной студии, которая так ярко расцветает в театральных вузах, но постепенно уходит с профессиональной сцены. Пригласив молодых исполнителей, педагог Школы-студии МХАТ, по сути, поставила довольно удачный дипломный спектакль.

Актеры по-хорошему дурачатся, импровизируют в заданном режиссерском рисунке, создают яркие и узнаваемые характеры, а главное, сами кайфуют от разыгрываемой истории. Декораций минимум: плацкартный вагон да окно, за которым порой мелькают березки. Так и хочется воскликнуть: «Какая красота!» Но герои не обращают на меняющийся пейзаж никакого внимания, по их манерам четко понимаешь: перед нами представители среднего класса, что без матерка вряд ли умеют восхищаться окружающей природой.

Кстати, Брускикина очень органично уходит от мата, за-

глушая его стуком колес и гудками. В общем-то, и драматург доволен, и команда постановщиков обошла острые углы, хотя спектакль все-таки выпущен с пометкой «18+».

Но вернемся к соседям главного персонажа. Аliku выпало удовольствие ехать с 49-летним Николаем (Валерий Трошин) и его законной половиной Тamarой. Честный муж — слесарь, завидный подкаблучник, женился не по любви, а по залету, однако считает, что поступил как настоящий мужик. Да и профессию свою называет самой что ни на есть подходящей. Впрочем, «попробуй нынешней бабе слесарь-ремонтника подсунуть», — сетует он. Николай признается, что «ребенок для бабы — как крючок для рыбака». Супруга — разбитная женщина (Янина Колесниченко), давно привыкла строить мужа и откровенно тиранит его при посторонних.

Другой сосед — тоже, как ни странно, Николай (Павел Ващилин) — маменькин сынок с легкой манерностью. В дороге он щедро делится с попутчиками «маминными грибочками и вином». А еще в плацкарте с

А любовь к Рудольфу сберегла

«Баядерка»

Елена ФЕДОРЕНКО

В Уфе завершился XXI Международный фестиваль балетного искусства имени Рудольфа Нуреева, ставший для Башкирии настоящей летописью новой эпохи. Историческую миссию форума переоценить трудно. С нежностью потомки отдадут дань памяти великому танцовщику, своему земляку.

Здесь он, неукротимый, впервые ворвался на сцену, словно бросая вызов лишениям и голоду своей неустоенной 16-летней жизни. Тогда Театр оперы и балета уфимцы чаще называли Аксаковским народным домом — город построил его на собранные всем миром средства, воплотив образ почти недостижимого счастья. Фасад напоминал итальянский «Ла Скала», зрительный зал — Большой театр в миниатюре. Маленькому Руди, сыну политука Красной армии, он показался раем.

Каждый фестиваль переносит нас в те, уже давние годы: жизнь и танец Нуреева становятся ближе. На пересечении событий и в поисках утраченного времени нынешний день проявляется и ярче, и отчетливее. Еще одна рифма с хроном: этот смотра посвятили 90-летию великого Юрия Григоровича. Именно он ранним рождественским утром 1993-го, узнав о смерти Нуреева, моментально придумал, как увековечить память великого современника. Но не только во внезапном озарении дело. Родство гораздо глубже. Оба, Григорович и Нуреев, воспитанники одной школы — вагановской, между выпускными экзаменами одного и другого всего полтора десятилетия. Оба — новаторы, провидцы, медумы. Создатели стили, определившие пути развития хореографического искусства вперед, но без уничтожения базовых ценностей, а, напротив, в почтении к классике. Гордые спектакли Григоровича всколыхнули балетную вселенную. Широкий пылкий танец Нуреева поменял правильный ландшафт западного исполнительства. Техническое совершенство, акробатические подвиги, головокружительные па передавали такой эмоциональный накал чувств, что испуганным ревнителям нравов почудился и недозвоненный эротизм. Жаль только, что бескомпромиссный молодой хореограф и необузданный танцовщик, харизматика и художник невероятной работоспособности, как и всепоглощающей энергии, разошлись при создании «Легенды о любви». Схлестнулись нравы. Вышел из берегов бурный характер. Но в нуреевском чехме, оставленном в Россию, когда Рудольф совершил знаменитый «прыжок свободы» в аэропорту «Ле Бурже», было аккуратно сложено голубое трико из лайкры — для костюма Ферхада в балете Григоровича.

«Жалею, что не станцевал «Легенду о любви», — неоднократно говорил Нуреев и на старте, и на пике, и на закате своей головокружительной карьеры.

Летят журавли

Память берегла впечатления детства. Ему было всего семь, когда на единственный билет мама решила провести в театр всех своих четверых детей. У парадной лестницы, как и положено, оставили калоши, а у Рудика их просто не было — к счастью (и, получается, к мечте) он добрался на материнских руках. Уже через час мальчик знал, его судьба — танец. Показывали первый национальный балет «Журавлиная песнь» по старинным легендам. Возвышенная любовь побеждала пороки — от зависти до коварства, люди общались с пи-

цами, и все было ясно без слов: через волшебные движения. С тех пор поанзвучный мир башкирского «Лебединого озера» исчезал с афиши и возвращался. Заботливо отреставрированная, с новыми костюмами и декорациями «Журавлиная песнь» открыла смотра. Словно время повернуло вспять. Уфимские звезды — непогрешимая Гульсина Мавлюкасова и точный Ильдар Маняпов — оказались кандидатурами безусловными для передачи в совершенном танце поэтических метафор: от лирически-нежных до бесстрашно-героических.

А тогда, в детстве, Рудик видел в главной партии Зайтунгул народную артистку СССР Зайтуну Насретдинову. Участники форума открыли памятник легендарной балерине. Хотите верьте, хотите нет, но во время церемонии дождь, ливший безостановочно несколько дней кряду, вдруг прекратился, выглянуло солнце, и в небе закружились свободолобивый журавлиный клин.

Лица фестиваля

Гостей было немало. Артисты едут сюда с охотой, считают, что подмостки, помнящие виртуозный Танец с шестом Рудика Нуреева из той же «Журавлиной песни», приносят творческую удачу. На сей раз впервые целыми театральными семьями пожаловали соседи. Сколь же бескрайна наша страна, если расстая-

нальный породистый воин-красавец Рустама Исхакова метался меж изящной и трогательной Никией солистки Большого театра Дарьи Хохловой и наденной красавицей Гамзатии Гульсины Мавлюкасовой. Роль Золотого божка пафосно исполнил Артемий Пыжов, приехавший в Уфу из Словакии.

Пара из ГАБТа — Ангелина Карпова и Артемий Беляков — победно выступила в «Корсаре». Изысканную версию топового в классике балета уфимцам подарил Юрий Григорович, сохранивший все шлягеры хореографии Мариуса Петипа. Бравурная вариация из «Корсар» на балетном конкурсе 1958 года в Москве принесла Нурееву всесоюзную известность.

Пусть расцветают все «Цветы»

По традиции фестиваль венчал гала-концерт. Его с чувством глубокой признательности к театру подготовили москвичи — четко срежиссировал Андрей Меланьин и волею провала Сергей Коробков. Сменялись слайды, запечатлевшие танец «неистового Руди», звучали строки его размышлений о жизни: зритель пригласили перелистать страницы творческой биографии танцовщика, и они с готовностью пошли на предложенный диалог. Солисты балетных трупп России, а также Парижа, Сан-Франциско, Словакии, японские и баш-

кирские артисты исполняли знакомые и неизвестные номера, классика соседствовала с современностью. И эта всеядность тоже нуреевская: он горячо приветствовал в Парижской опере первые опыты юных творцов и ценил мэтров, привлекал к работе шокирующих маргиналов и неведомых экспериментаторов.

На балет билетов нет

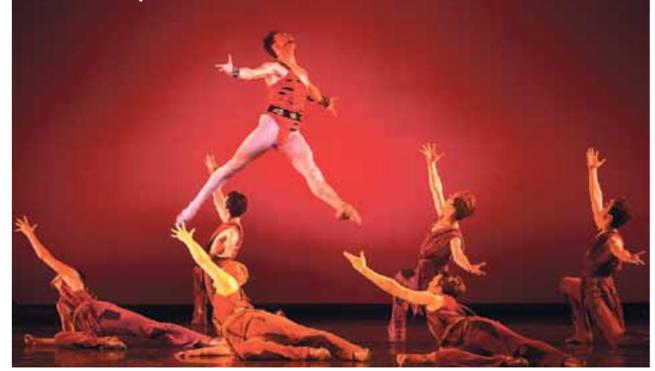
И все-таки с наибольшим наслаждением уфимские артисты представляли фрагменты из спектаклей Григоровича. Рассказывая о башкирском балете, нельзя не вспомнить о Шамиле Тергулова, которого Леонид Якобсон настойчиво, но безуспешно пригласил к себе в ленинградский коллектив. Отличный танцовщик и мудрый педагог решил строить вместе с Леонорой Куватовой — первой партнершей Михаила Барышника — башкирскую балетную школу. Дружба Тергулова с Григоровичем тоже дала свои плоды: репертуар уфимского театра пополнился семью спектаклями мэтра. Куватова, возглавляя одновременно и труппу, и хореографический колледж, связывает видимые успехи обеих институций с ленинградскими-петербургскими корнями: «Мы гордимся тем, что у нас живут традиции вагановской школы — дышащий корпус, точность линий, мягкие руки, четкие позиции. Сейчас танцуют уже творческие внуки Шамил Тергулова, прилагавшего титанические усилия для создания единого ансамбля. Не уверена, что есть еще коллектив, где работают выпускники, вышедшие из одной альма-матер. Родители доверяют нам своих 10-летних детей, и мы ведем их всю театральную карьеру, растим не только исполнителей, но и педагогов, и балетмейстеров. Они все для меня родные и воспитаны в любви к спектаклям Юрия Григоровича. Ко мне часто подбегает ученики с вопросом: когда я смогу участвовать в «Спартак»? Это для них гораздо важнее, чем зарплата, гастроли, привилегии, и это дорогого стоит».

Менее полутора лет назад театр возглавил Ильмар Альмухаметов, и, хочется верить, чехарда с частой сменой директоров завершилась: «У меня полное ощущение, что за год пролетела пятилетка. Моя жизнь связана с театром, со студенческих лет люблю это дело и понимаю, что здесь не бывает чужого, мелочей, знаю, как важен любой труд. Для меня незарочно взять и переставить артисту стул, принести реквизит, помочь костюмеру. Надеюсь, с новой менеджерской командой нам удастся решить проблемы, а их немало. Например, большой дефицит музыкантов: служить в театральном оркестре, где каждый день нужно быть в форме, — колоссальная подвижническая самоотдача. Мы работаем с уникальными инструментами: голос и тело — подарки природы. С талантом нелегко, и я готов простить многое, кроме одного — лени. Наш труд приносит первые результаты, но успешные спектакли и проекты — нормальный процесс, им не стоит особо восхищаться. Нуреевским фестивалем мы гордимся и, готовя его, не забывали, что развитие национальной культуры вряд ли возможно без понимания истории».

Картина покажет не полную, если не вспомнить о расположившемся в одном из залов единственном в мире музее Рудольфа Нуреева. Богатейшая коллекция недавно пополнилась новыми экспонатами: прикроватный коврик, дорожные сумки и томик Байрона с закладками и пометками артиста. В соседнем фойе развернута выставка «Балет, балет», там среди живописных портретов знаменитостей внимание привлекают удивительные флористические изображения гениального танцовщика, сложенные из листьев рябины и малины.

Смотр в городе пользуется невероятной популярностью, каждый спектакль собирает полные залы, и в первый же день баннеры, вывешенные на фасаде уфимского «Скала», по диагонали пересекает желтая лента со словами: «Все билеты проданы».

Рустам Исхаков в балете «Спартак»

ния в четыре сотни километров вполне соседские. Челябинский театр представил немного уставшую классическую «Эсмеральду» Цезаря Пуни, которая никогда не шла на башкирской сцене. Екатеринбург показал захватывающую современную версию «Ромео и Джульетты» от Вячеслава Самодурова, признанную фаворитом «Золотой маски».

Основная классическая часть мероприятия воскресила балеты, связанные с именем Нуреева. Их исполняли хозяева. Кордебалет работал с моцартовской легкостью, что говорит о зрелости коллектива, способного танцевать наследие. Приглашенные на главные партии солисты из знаменитых театров России и зарубежных компаний не затмили башкирских артистов, но помогли рождению живых и обаятельных спектаклей, отношения в которых возникали на глазах у зрителей. В 1964 году Нуреев с Марго Фонтен в Вене представили «Лебединое озеро», на поклонны их вызывали 89 раз, и длились овации едва ли не дольше, чем сам спектакль. Самый известный балет русской классики вели гости из Михайловского театра Екатерина Борченко и Иван Зайцев.

«Баядерка» Минкуса гипнотизировала Нуреева: он создавал отживший образ Солора, предавшего любовь и переживавшего отчаянную расплату за неверность. На фестивале эмоцио-

нальные артисты исполняли знакомые и неизвестные номера, классика соседствовала с современностью. И эта всеядность тоже нуреевская: он горячо приветствовал в Парижской опере первые опыты юных творцов и ценил мэтров, привлекал к работе шокирующих маргиналов и неведомых экспериментаторов.

В том, что хореографы показали на гала свеженькие «мировые премьеры», видится мудрая тактика худрука балета Леоноры Куватовой и директора театра Ильмара Альмухаметова, стремящихся наладить сотрудничество с современными сочинителями. Отличному драматическому танцовщику Ринату Абушаханову, уже давно ступившему на путь хореографа, довелось поработать с учениками балетного колледжа, и получился прелестный «Шествие» («Квадрилья»). Запомнились темпераментный и деликатный квартет «Цветы любви» Вячеслава Пегарева, простодушные игривые «Куклы» Нины Мадан. Своими номерами Ирина Филиппова соответствовала понятному желанию публики сопереживать происходящему на сцене как драматическому действию. В монологе «Небеса» на музыку Эдуарда Артемьева взметнувшийся герой Сергея Бикбулатова падал ниц, задавленный и наказанный за свою дерзкую смелость. Вместе с Софьей Гаврюшиной Бикбулатов — оба только начинают путь в теа-

Ах, как хочется вернуться в «Городок»

Августин СЕВЕРИН

Сто пять лет назад, 13 июня 1912-го, в Первопрестольной на Волхонке открылся Музей изящных искусств имени Александра III при Московском императорском университете. Сегодня Государственный музей изобразительных искусств носит имя Пушкина. ГМИИ теперь переживает второе рождение: вокруг него должен вырасти целый комплекс.

А сейчас полным ходом идет подготовка к реконструкции усадьбы Голицыных (Волхонка, 14), в ней разместится Галерея искусства Европы и Америки XIX–XXI веков. Здание было построено в 70-х годах XVIII столетия при участии знаменитого Матвея Казакова. Интересно, что прежде этот дом уже служил галереей: с 1865-го по 1886-й здесь выставлялись коллекции представителей семейства Голицыных — около 700 картин и произведений декоративно-прикладного искусства. Музей работал три дня в неделю. Когда же у знатной фамилии возникли финансовые трудности, экспонаты были проданы и пополнили запас Эрмитажа.

После революции в особняк въехала Коммунистическая академия, которая в 1929-м в связи с расширением выросла на два этажа. В процессе реконструкции бывшая усадьба потеряла монументальный фронтон и балюстраду вдоль крыши. В 1936 году академия перестала существовать, а в 1960-м здание занял Институт философии АН СССР, и тогда же оно получило статус памятника архитектуры как «усадьба Голицыных с двухэтажной надстройкой».

Именно надстройка стала камнем преткновения для современных проектировщиков. С одной стороны, она имеет такой же охранный статус, что и весь дом, с другой — ни художественной, ни исторической ценностью не обладает. Ко всему прочему руководство музея было заинтересовано в сохранении обих надстроенных этажей. Архитекторы решили вопрос довольно остроумно — предложили восстановить утраченные элементы старинной постройки, а два верхних этажа укрыть стеклянным экраном, который визуально отделяет их от творения Казакова.

Также столичные власти занимаются сейчас воссозданием центральной улицы будущего «Музейного городка» — Волхонки.

Первоочередное значение имеет расширение пешеходного пространства, — рассказал заместитель мэра по вопросам ЖКХ и благоустройства Петр Бирюков. — Кроме того, территория будет озеленена, на ней установят малые скульптурные группы, которые подчеркнут особую атмосферу, связанную с искусством.

Пешеходную зону Волхонки расширят до 17–28 метров, а около главного здания пушкинского музея в гранитное мощение смонтируют латунную карту с основными достопримечательностями.

Одновременно продолжится реконструкция Галереи старых мастеров и возведение нового депозитария. А до открытия городка, в состав которого войдут 29 различных построек квартала, окружающего ГМИИ, осталось восемь с лишним лет. Впрочем, обо всем по порядку.

Первый блин комом

Идею создания городка более ста лет назад предложил основатель и первый директор музея Иван Владимирович Цветаев.

«Со временем, когда начинаемое здание наполнится, здесь могут возникнуть, вдоль переулка, или галереи в один этаж, или двухэтажные корпуса — и таким образом тут явится целый музейский городок», — говорил он.

Мечта выдающегося ученого и искусствоведа начала сбываться в канун столетнего юбилея его детства. Несколькоми годами ранее, в 2008-м, был проведен конкурс на лучшую кон-

цепцию городка, по его результатам создание квартала искусств было поручено прославленному архитектору Норману Фостеру и институту «Моспроект-5». К этому времени в копилке британца уже был реализованный музейный проект, правда, не столь масштабный — Бостонский музей изящных искусств. На Волхонке он, в частности, предлагал построить новый выставочный комплекс в виде пятиэтажного здания на месте кремлевской бензоколонки, расположенной напротив Храма Христа Спасителя. По мнению тогдашнего директора музея Ирины Антоновой, проект Фостера являлся «совершенно блестящим и замечательным решением, архитектурой XXI века».

Но ему не суждено было осуществиться: категорически против выступили историки архитектуры и градозащитники. Так, координатор движения «Архнадзор» москвовец Рустам Рахматуллин писал, что предложенный англичанином городок «фактически разрушит существующий здесь и охраняемый государством усадебный заповедник».

С чистого листа

Новый конкурс состоялся в 2014 году. Председателем жюри стал глав-

ный архитектор Москвы Сергей Кузнецов.

— Для города важно, что здесь есть словосочетание «музейный квартал», — подчеркнул он. — Это действительно целое образование, которое принесет новое качество. Отрадно, что российская столица является одним из мировых лидеров в плане инвестиций в строительство объектов культуры.

В условиях конкурса оговаривалось, что необходимо «учитывать ценность исторической застройки и базироваться на принципах сохранения лица города и бережного встраивания новых архитектурных проектов в городскую среду». Победу одержало архитектурное бюро «Проект Меганом» под руководством Юрия Григоряна, чье предложение удовлетворило даже придрочивых критиков.

«Юрий Григорян выиграл как самый тактичный по отношению к архитектурному наследию — с нуле-

вым сносом», — отметил тогда Рустам Рахматуллин. Победившая концепция получила название «Ризосфера» — это слой почвы, окружающей корневую систему растений. В случае городка речь идет о той основе, благодаря которой десятки зданий разных стилей и эпох, улицы и переулки, окружающие и пересекающие квартал, его площади и скверы, будут превращены в одно целое.

«Вступая на ризосферу с любой стороны, посетитель сразу оказывается в ауре музея: тут все, как в Мо-

ске, и немного иначе — все здания становятся коллекцией архитектуры без единой раздражающей детали реставрации и вывесок, публичное пространство открыто и насыщено искусством», — так объясняют свою идею авторы проекта.

Квартал музея объединит территории вдоль всей четной стороны Волхонки, от Боровицкой площади до павильона станции метро «Кропоткинская» (имеющего статус объекта культурного наследия регионального значения). Кстати, через него же организуется вход и выход со станции «Волхонка» Калининско-Солнцевской линии, которую метро строители собираются закончить к 2020 году. Можно сказать, что «Волхонка» будет своего рода преддверием городка: ввиду соседства с музеем

в тех местах, где не предусмотрено озеленение, планируется создать девять главных площадей городка. Все они образуют нераздельную цепь с помощью внутренних проходов, улиц и бульваров. Чтобы рождалось ощущение общей структуры, ограды, не представляющие исторической ценности, снесут. Особое внимание проектировщики уделили местной флоре. «Важную часть составят постоянно популяющаяся коллекция растений, где каждый ствол имеет номер и имя», — говорится в проекте. На улицах и площадях городка будут проводиться массовые мероприятия, прежде всего просветительские. Ко всему прочему, ризосфера станет своего рода инкубатором: скульптуры, впервые выставленные здесь, со временем переедут на городские площади и в парки. В холодные месяцы для уличных зон запланирован переход на зимний режим работы: во время снегопадов часть дорожного покрытия собираются подогревать, с тем чтобы на нем образовывалась система дорожек.

ее решено украсить уменьшенными копиями скульптур и картин из коллекции ГМИИ. Визуальной связи элементов ризосферы послужит особое гранитное мощение с чугунными и бронзовыми деталями. В глубине музейного квартала,

Доступное для всех общественное пространство возникнет и под землей. Специальные подземные переходы свяжут между собой основные экспозиционные площадки музея. Там расположатся витрины открытого хранения экспонатов, магазины и кафе. В ходе реконструкции исторических построек, в том числе главного здания, в их цокольных этажах создадут просторные залы.

Шаг за шагом

Начало возведению городка было положено 29 августа 2014-го. В этот день в присутствии заместителя министра культуры России Елены Миловзоровой, главного архитектора Москвы Сергея Кузнецова, президента ГМИИ им. Пушкина Ирины Антоновой и директора музея Марины Лошак состоялась торжественная закладка камня в основание новой Галереи искусства старых мастеров. Дату выбрали не случайно: 29 августа 1898-го под руководством известного архитектора Романа Клейна открылось строительство главного здания музея. Галерея разместится в бывшей усадьбе Вяземских — Долюрокуровых в Малом Знаменском переулке. Когда ее отреставрируют и приспособят под экспозиции (это должно произойти в следующем году), сюда из главного здания передут творения Тициана, Рубенса, Рембрандта, Пуссена и других европейских художников XIII–XIX столетий, а также полотна мастеров итальянского Возрождения и «малых голландцев» из запасников.

Следующий этап преобразования пришелся на 2016-й: в северной части квартала, между Центром эстетического воспитания «Музейон» и галереей Шилова, началось сооружение Депозитарно-реставрационного и выставочного центра. Как нетрудно догадаться из названия, три его основные функции — это хранение, реставрация и экспонирование произведений искусства. Кстати, с момента открытия музея в 1912 году у него не было специализированных помещений для хранения коллекций. Новый корпус будет представлять собой расположенные вертикально выставочные залы различной высоты, с лестницей и лифтами их свяжет просторный атриум. Основным общественным пространством станет входной этаж с кафе, магазинами, помещениями для проведения лекций и инсталляций. После того как новое здание распахнет двери, а произойти это должно в 2019-м, туда переедут около 700 000 музейных предметов, это коллекции живописи, графики, скульптуры, декоративно-прикладного искусства, нумизматики.

Открытие в усадьбе Голицыных Галереи искусства Европы и Америки XIX–XXI столетий намечено на 2021-й. В том же году планируется закончить реставрацию Дома текста (научно-информационного центра ГМИИ), он разместится в доходящем доме Стуловых (Малый Знаменский переулок, 8, строение 1). В 2019–2021 годах проведут капитальный ремонт левого флигеля голицынского особняка, в котором сегодня располагается Галерея искусства Европы и Америки XIX–XX веков.

Реставрация главного здания начнется в 2019-м с переезда основной коллекции в депозитарный корпус и завершится в 2025-м.

Музейный городок ГМИИ им. А.С. Пушкина

Книжная ПОЛКА

О героях былых времен

Литературный тренд на биографии, заданный в этом сезоне крупными премиями, продолжают байопик Малевича, вышедший из-под пера поэта Ксении Букши, и портрет Беллы Ахмадулиной, написанный журналистами Мариной Завадой и Юрием Куликовым.

«Бог и другие фигуры»

М.: «Молодая гвардия». — 2017

Гений, апостол, председатель пространства и хирург разума. Искусствовед Ксения Букша напоминает, что Казимир Малевич вошел бы в историю культуры и без «Черного квадрата» — одних только кресты, возрожденческого автопортрета и «Девушки с гребнем в волосах» было бы достаточно, чтобы обеспечить благосклонное внимание потомков. Но все-таки от квадрата никуда не денешься — от

мистики, профанации, оценок и переоценок самой известной работы великого авангардиста. Впервые образ появился в 1913 году в декорациях оперы «Победа над солнцем» (само полотно датируется 1915-м) — олицетворением торжества целенаправленной человеческой деятельности над пассивной природой. Затем мастер нарисовал еще 39 супрематических композиций, переходя от простых контрастных к преувеличенно сложным формам. На первой же выставке, манифестировавшей новый стиль, градус соперничества был высочайшим. Малевич хочет все сорвать, похоронить футуризм, возмущались товарищи. «Я не подражатель природе, я — творец нового», — подвопил итог многолетних исканий автор экстремума.

И хотя живописец перевернул представления об эстетике, переинициал сам посыл, заложил основы современной архитектуры и дизайна (без Малевича невозможно представить не только Баухауз, Корбузиэ или Райта, но и бытование в доме такого «некрасивого» предмета, как холодильник), возмущению квадратом нет предела и по прошествии столетия. «Бездарность», «ерунда» — поисковики до сих пор выдают сотни тысяч таких результатов. «Но ведь это же, — всплескивал руками Александр Бенуа, читая «бумаженку» Малевича на выставке «10», — воззвание к исцелению любви, того самого согревающего начала, без которого нам всем суждено замерзнуть или погибнуть...»

Малевича все это, конечно, не смущало. То была почшина общественному вкусу. Маяковский сбрасывал с парохода современности Пушкина, а его современник изгонял из искусства «изображения уголков природы, мадонн и безстыжих венер». Герой «бога и других фигур» преобразался в нуле форм, вылавливал себя из омута академической драки. Любопытно, что в последние годы Казимир Северинович возобновил искренний интерес к реализму, как в юности. Ходил в Эрмитаж, смотрел на Репина и Шишкина, подолгу задерживался возле картины «Анкор, еще анкор!» Федотова, восхищаясь: «Хорошо промазано». Книга Ксении Букши тоже «промазана» очень неплохо.

«Белла. Встречи вослед»

М.: «Молодая гвардия». — 2017

Белла для всех разная. Кому-то она помнится мятежницей, защитницей диссидентов, участницей эпохального «Метрополя», для других известна шестидесятница — автор лиричных, философских, пронзительно грустных и остроумных строк. Журналисты Марина Завада и Юрий Куликов пишут свой образ Ахмадулиной — на основании одного из последних ее

интервью (долгий и довольно открытый разговор происходил под визг соседской дрели, Белла его царственно игнорировала), неопубликованных дневников, которые она вела в 1961–1963 годах, живя в Красной Пахре, воспоминаний друзей — Владимира Войновича, Юрия Ростя, Азария Плисецкого, Марины Влади, Михаила Шемакина, Лоры Гуэрры, Евгения Евтушенко, дочерей Елизаветы и Анны. Не меньше «народу» и в книге Бориса Мессерера, вышедшей в АСТ в преддверии 80-летия со дня рождения: Высоцкий, Аксенов, Бродский, Рихтер, Любимов, Ефремов, Окуджава. Такая многолюдность не случайна. Как вспоминает дочь, Елизавета Кулиева: «Мама была предана друзьям. Ее с ними связывали высокие, светлые отношения. Никогда — зависть. Всегда — восхищение, умение ценить дарование другого».

Изысканная, неземная, она бывала неожиданно беспощадной к себе. «Кто чем, а я тесным избытком бишоп в животе, несвежестью легких, поросших никотином, острым присутствием плохого зуба, всей нечистой совокупностью явных и градуемых недугов, которая есть организм, — вот чем я писала стихи».

Резкая и деликатная, доброжелательная и одинокая (испытывала свое «фирменное» обожание не только к именитым друзьям, но и к тете Дюне из села Феропонтово, ладыжинской тете Мане, медсестрам из Кимр), она умела быть упрямой и непримиримой. Ироничной. «В детстве я не раз перечитывала «Хижину дяди Тома», — рассказывала Ахмадулина в том самом интервью, — в пылкой убежденности, что никого нельзя обижать, отравила в «Пионерскую правду» стихотворение, заступаясь за негров. Я даже помню фамилию редактора, которая мне ответила. Смирнова. Она написала изумительное письмо: «Девочка, я чувствую, ты очень добрая. Но оглянься вокруг и увидишь, что жалеть можно не только негров». Теперь мы читаем, любим и жалеем саму Беллу Ахатовну, возвращая ей сторицей.

Дарья ЕФРЕМОВА

И Ленин — такой парадокс

1 Данилкин: С Другой — попробуйте найти хоть одну современную фундаментальную работу о Владимире Ильиче, где бы объяснялось, кем он был, чего хотел.

Он кажется не просто «противоречивой фигурой», а именно непонятной, непроницаемой, люди не понимают логику его поступков — и оттого, что простое, в двух словах, объяснение Ленина не существует, он вызывает раздражение, злость, ненависть. Отсюда желание придумать некое понятное психологическое объяснение — «одержимый властью маньяк», ну или взять и налепить ему на спину бубновый туз — «диктатор», «немецкий шпион», «гриб». На самом деле, это от непонимания и бессилия. Ленин — клубок противоречий, но живых, конструктивных, объяснимых. Он не просто политик, он философ, сложный. И мне показалось, что феномен Ленина заслуживает реви́зии, из 2017 года.

культура: А почему пантократор? **Данилкин:** Потому что «власть» — важная тема, связанная с Лениным и ленинизмом. Дословно это «всевластитель», лик Спаса Пантократора изображается под куполом. Дело в том, что русская революция — не только политический переворот, но и религиозная реформация. В марксизме пролетариат — мессия, который спасет мир от капиталистического апокалипсиса. Хотел сам Ленин того или нет, в какой-то момент ему пришлось стать воплощением этой метафоры, персонализировать абстрактный пролетариат.

Но, согласитесь, было бы странно и кощунственно назвать книгу о Ленине «Пантократор»: между «Пантократор» и «Пантократор солнечных пылинки» — такая же разница, как между «государь» и «милолюбивый государь». Солнечные пылинки — свет и тьма одновременно, истина как прозрение и свет как ослепление, это дух и материя. Такова метафора диалектики — образ единства и борьбы противоположностей, ведь книга прежде всего о Ленине-философе. Пылинки объясняются в эпиграфе, они — из ленинского конспекта Гегеля. «О душе пифагорейцы думали, душа — есть солнечные пылинки». Ленин был гегельянцем, и именно у него Владимир Ильич почерпнул мысль, ставшую ключевой, — некоторые идеи, фрагменты материи и реальности имеют свойство переходить в собственную противоположность. Ленин «перевел» эти представления на язык политики. В то, что философией можно пользоваться для анализа конкретных политических ситуаций, никто всерьез не верил. Ленина годами принимали за сумасшедшего. А он угадывал те элементы политической структуры, что могут изменить мир. Так он в какой-то момент сделал верную ставку на рабочий класс. Потом из пролетарского вождя превратился еще и в крестьянского. Увидел, что и этот, традиционно склонный к консервативным ценностям и поведению класс тоже способен стать революционным субъектом.

культура: Странно, что Ленин вообще решил рассматривать в этом ключе крестьян: многие из них были неграмотными и уж точно большинство — верующими.

Данилкин: Так обычно и думали: темные, набожные, а еще собственники, одиночки, куркули — все в семью, все в дом. Но ведь

крестьяне веками жили общиной, и именно это общинное сознание отвращало их от капитализма. Они боялись его как огня. И оказалось, им проще принять социализм, где все вместе, всё «по совести». Этот парадокс подтвердила революция 1905 года, неожиданно поддержанная деревней. А в 1917-м солдатские массы, сформированные из крестьян, и вовсе стали главным двигателем революции.

культура: С бытовой точки зрения самая большая загадка в том, что Ленин долго, с 1900 по 1917 год, жил за границей: Мюнхен, Лондон, Женева, Капри, Париж, Берн, а потом вдруг приехал и оказался во главе малочисленной фракции, которая вскоре стала партией власти.

Данилкин: Он жил не только за границей — в этом его категорически отличает от Плеханова, и впрямь оторванного от русской почвы. А Ленин и в Шушенском жил, и в Петербурге, и в Москве. И разве большевики — малочисленные?

культура: На тот момент, да. Ядро прогрессивного блока Думы четвертого созыва были кадеты и октябристы, а лидеров большевистской фракции арестовали в ноябре 14-го, как не поддерживавших войну.

Данилкин: Изначально большевики — почти заговорщицкая партия, а во время Первой мировой многие действительно сидели в тюрьмах. Но это была централизованная организация, готовая мобилизоваться в любой момент. Все остальные — кадеты, эсеры, октябристы — такого даже представить себе не могли. Они функционировали как обычные политические объединения: собрались, обсудили, проголосовали. Ленин создал политический инструмент, способный радикально преобразоваться в кризисный момент. Как Орден меченосцев в Средние века. В 1905 году десятки человек стали тысячами, а в 1917-м РСДРП превратилась в структуру, насчитывающую сотни тысяч сторонников. И не какую-нибудь аморфную, а жесткую, хорошо управляемую, Ленин выстроил четкую вертикаль. Концептуально партия, как это описано в работе «Что делать?», представляла собой интеллигентский авангард, который доносит до массового сознания революционные идеи. Важно было найти причину истинного недовольства пролетариата. Ведь если пустить на самотек, рабочие останутся на том, что будут требовать повышения зарплаты, сокращения рабочего дня, не дойдут до политики. А большевики говорили, что бороться надо не за подачки, а за то, чтобы самим решать — кто и как руководит страной, какой класс осуществляет свою диктатуру — буржуазия или пролетариат. Слуга превращался в господина.

культура: В анонс книги вынесена такая цитата: «Ленин был великий велосипедист, философ, путешественник, шутник, спортсмен и криптограф. Кем он не был, так это приятным собеседником». Некоторые критики утверждают, что Вы обрушили на голову читателя постмодернистский кирпич.

Данилкин: Да-да, пишут, что «хипстерская книжка», что таким языком про Ленина говорить нельзя, что текст целиком состоит из стилистических ошибок. Но я сконструировал в этой книге такой об-

раз рассказчика, который вступает со своим персонажем то в конфликт, то в резонанс. У них возникают отношения особые: объект наблюдения начинает влиять на наблюдателя. И я не уверен, что правильно судить об этой работе по аннотации — где сказано, что Ленин был великий шутник, криптограф, философ, путешественник и так далее. Ленин в «Пантократоре...» — не набор курьезных личин, а персонаж истории об обстоятельствах, которые превращают его в великого революционера. Шутник много, но никто не изменил мир так, как Ленин. Мне важно было показать, как и почему Владимир Ульянов, юноша из буржуазной семьи, превратился в собственную противоположность, вместо эволюции пережил революцию, изучил искусство революции в теории — и сумел гениально трансформировать идеи в политическую практику. Сейчас все это мало кого интересует, мы обычно довольствуемся понятной, упрощенной, витой с детства в сознание картинкой, с алгоритмом известным: был хороший мальчик, очень переживал, что брат по весили, потом — гриб, немецкий шпион, сектант, диктатор; требовало расстрелять всех попов, выслать интеллигенцию. Это известный Ленин — но известный и познанный совсем не одно и то же.

Лев Данилкин

Данилкин

культура: А разве он таких приказов не отдавал? **Данилкин:** Отдавал, но на одну записку «расстрелять» приходилось с десятком других — например, о том, что не нужно оскорблять чувств верующих, не нужно превращать храмы в клубы. Его работы настолько объемны и многоплановы, что в них можно найти подтверждение любому из представлений. Убить Ленина — это надеяться из него читать. Нужно читать целиком, смотреть, по какому поводу написан текст. **культура:** Вы изучили труды в течение пяти лет. Что показалось самым сложным, нуждающимся в пояснении? **Данилкин:** Если читать Ленина «с мороза», просто взять собрание и начать наугад — слова вроде понятные, но на самом деле — вы мало что уловите: из-за чего он там ругается, почему скандалит, с кем раскалывается. Даже простейшие оппозиции — большевики, меньшевики — и то уже мало кто осознает, они от нас так же далеки, как ХАМАС и «Хезболла», какие там у них различия, кому здесь какая разница. Но если понимать, о чем речь, то это потрясающее зрелище, спектакль, феерия. Ты как будто наблюдаешь за работой интеллекта невероятной мощи, за игрой огромного существа — как синий кит: движение, сила, гра-

ция. Ленин был не самым великим журналистом, его заметки в «Правде» в 1912–1914 годах — когда он писал «общедоступно», чтобы про рост цен на мясо — не то чтобы великая литература. Но его большие брошюры — такие, как «Государство и революция», как «Империализм как высшая стадия капитализма», «Пролетарская революция и ренегат Каутский», «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» — это поразительные шедевры, он показывает, где находится слабое звено — и как этим воспользоваться, чтобы превратить ситуацию в противоположность, и как таким образом можно — на практике, здесь и сейчас — конструировать будущее. Так было с Апрельскими тезисами в 1917-м, так было с Брестским миром, так было с Гражданской войной. Ленин был человеком, который не просто знает направление, видит, куда двигаться (это все понимают), но чувствует, что нужно делать в конкретной очень сложной, кризисной ситуации. Причем знает не «а вот с одной стороны, а вот с другой...» — а умеет вычислить единственно правильное решение.

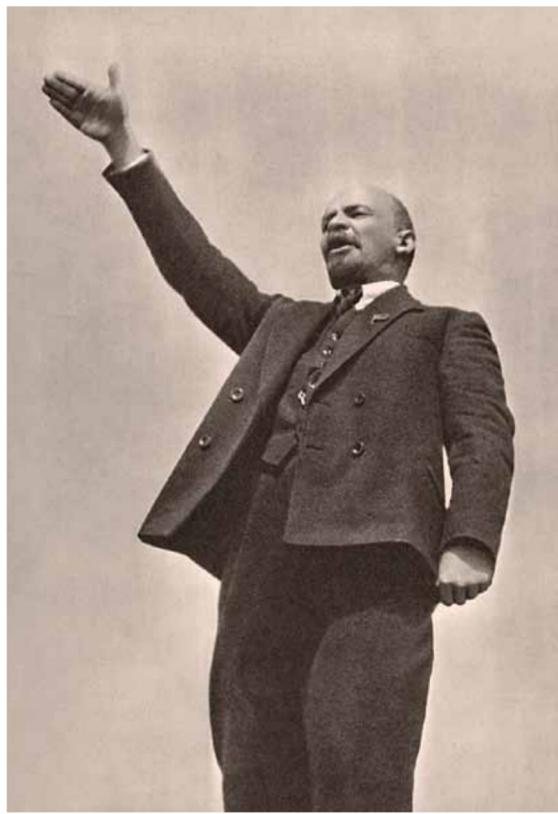
культура: Ленин — маг?

Данилкин: Вот опять эти коллективные представления. Во всяком случае, он не ученый попугай, чтобы вытаскивать правильную бумажку. Диалектический анализ, странная логика, которая не боится противоречий, а, наоборот, охотится за ними — подкалывала ему, как действовать. Идея достать после смерти мозг Ленина и его исследовать возникла не случайно. Ленин производил на современников впечатление инопланетного существа. Причем не только на крестьянских ходоков, но и на таких интеллектуалов, как Троцкий и Бухарин. Примеров его необыкновенной логики множество. Пришли к нему как-то представители левых партий из Англии, хотели сделать революцию. Обычный лидер решил бы поддержать своих, дал бы денег, помог оружием, а Ленин удивительным образом вырвал на противоположное: сказал, может, это и правильно, но в данных обстоятельствах вы должны идти в свой парламент, сотрудничать с буржуазией, а не лезть на баррикады. То есть дойдет и до столкновений, но не прямо сейчас. Это тема его брошюры «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», своеобразный макиавелловский «Государь», но о том, как правильно быть революционным политиком, курс политической изворотливости.

Логика Ленина кажется непонятной — так, во время Первой мировой он говорил о том, что нельзя быть «за мир», когда ты просто «против войны» — ты на самом деле стоишь на стороне буржуазии. Ты должен желать поражения своему правительству — вот тогда ты на пролетарской точке зрения. Ведь если война не будет проиграна властью, то жертвы, которые понесет пролетариат, напрасны, революция так и не произошла, война закончилась тем же, чем началась. Это странная, почти абсурдная, непонятная обывательская логика — на самом деле железная: если — то, если — то, ни малейшего зазора. Его логика требует от вас странных поступков. То вы отменяете деньги вообще, то говорите — нам нужен крепкий рубль, учитесь торговать. То демобилизуете армию во время войны — то вдруг выстраиваете ее за два месяца заново, с нуля. То агитируете против боев — то начинаете думать о «красной интервенции» и рветесь в Иран, в Индию, в Турцию.

культура: Что по-человечески больше всего Вас удивило?

Данилкин: Ленин был очень смешлив. Смеялся подолгу, искренне, хохотал, откинувшись назад, затем согнувшись пополам. Не в том смысле, что «юморный мужик», не то. Нет, он просто больше понимал и видел, чем остальные, и это, видимо, действовало на него, как такой веселящий газ. Его распырало от этого знания, от уверенности в собственных силах. Все вокруг думают, что теперешнее положение — окончательное, несменяемое, а он понимает — нет, все изменится, и они этого пока не знают, а я знаю и, более того, могу придумать, как управлять этими изменениями, направить их так, чтобы всем вокруг было лучше. Это не жестокий смех психопата, нет. Это смех веселый, добродушный, хотя и скептический немного: видишь, что кто-то на банановой корке поскользывается, вроде неплохо над такой глупостью смеяться и человека жалко, грохнулся, сейчас мы его поднимем, отряхнем, поможем, но и комично ведь, никуда не денешься.

1973

Александр Зайцев: «Жалею, что ушел в чиновники»

Дмитрий ЕФАНОВ,
Георгий НАСТЕНКО

16 июня отпразднует 65-летний юбилей выдающийся фигурист Александр Зайцев. Их дуэт с Ириной Родниной в парном катании до сих пор считается эталонным. Тренерский гений Станислава Жука соединил лед и пламень, это принесло стране два олимпийских «золота» и шесть побед на чемпионатах мира.

культура: Знаете ответ, почему Жук выбрал именно Вас партнером действующей олимпийской чемпионки?

Зайцев: Первая моя напарница, Галина Блаженова, внешне сильно напоминала Родину. Подозреваю, что Станислав Алексеевич это сходство заметил и задумал создать нашу пару с Ириной. После Олимпийских игр 1972 года в Саппоро, когда стало ясно, что дуэт Роднина — Уланов распадется, Жук пригласил меня.

культура: Одна девушка могла на Вас сильно обидеться за такое решение...

Зайцев: Понимаю вопрос. Речь о Карелиной. Она каталась с Георгием Проскуриным. Я с ними крепко дружил. Получив предложение от Жука, решил посоветоваться с Галей. Она поддержала. И лишь много лет спустя узнал, что в тот момент Проскурин собирался уходить из спорта, а Карелина хотела выступать вместе со мной. Галина тогда поступила благородно и где-то в ущерб себе.

культура: За кем было последнее слово в выборе музыкального сопровождения?

Зайцев: Мы с Ириной сами искали подходящие композиции, тренеры тоже подключались. Это в равной степени относится к Жуку и Татьяне Тарасовой. Так происходило на первом этапе, позднее представителем нашего вида спорта все чаще стали прибегать к услугам редакторов. Елена Чайковская посоветовала своего мастера — Алика Гольдштейна. Каждый шел к нему со своими идеями. Алик со временем научился понимать, что нам больше всего подходит, и предлагал уже «отжатый» материал.

В 1975 году преданный поклонник нашей пары композитор Алексей Мажуков сочинил и записал инструментальное сопровождение для короткой про-

Александр Горшков, Людмила Пахомова, Александр Зайцев и Ирина Роднина в Кремле. 1976

граммы. Студийная версия понравилась, но в ледовом дворце звук чудовищно искажался. Мы были в шоке, потому что запасной вариант не предусматривали. Алексей Сергеевич не верил, пока не приехал на арену. После услышанного быстро собрал оркестр и сделал новую запись.

культура: У Вашего поколения спортсменов была тесная связь с деятелями культуры. Дружба до сих пор сохранилась?

Зайцев: В качестве группы поддержки с нами часто ездили Лещенко, Винокуров, Сенчина, Кобзон. Прекрасные отношения сложились с Пахмутовой и Добряковой. Александра Николаевна всегда приглашала на юбилейные концерты и по-прежнему продолжает восхищаться неиссякаемой энергией. Их дуэт с Николаем Николаевичем поражает профессионализмом. Часто они получали задания в жестких тематических рамках и при этом умудрялись в цейтноте создавать не дежурные песни, а настоящие шедевры — красивые и нужные людям. Поэтому с большим удовольствием мы включали в свои программы произведения Пахмутовой. Прощальное выступление сделали под песню с символическими словами «Первый тайм мы уже отыграли».

культура: А как складывались отношения с «товарищами в штатском»?

Зайцев: Мы их называли «фотографами». За рубежом они занимались своими делами, с кем-то встречались. И нам проверками и ограничениями не доса-

ждали. Гораздо больше проблем им доставляли деятели культуры. Известная шутка Юрия Никулина. Выходя в Лондон из самолета, он спросил у комитетчика: как по-английски сказать «я прошу политического убежища»? Тот чуть не упал с трапа, а Никулина надолго сделали невыездымным. С балетом же иногда по пять таких «фотографов» отправлялось, но танцоры все равно умудрялись сбежать.

культура: За фигуристами такого не водилось. Спортсмены были более патриотичны?

Зайцев: Возможно. Но не стоит забывать, что сильнейшие фигуристы, даже из капстран, имели статус любителей, а артисты балета — профессионалов, и они сразу могли подписать выгодный контракт. Белоусова и Протопопов остались за границей уже в новом качестве. У чемпионов возник конфликт с руководством труппы. Именно их имена на афишах привлекали зрителей, а заработки были стандартными, по советским стандартам. Пара заранее готовилась к бегству — Белоусова даже швейную машинку захватила.

культура: Вам за границей предлагали подписать контракт?

Зайцев: Да. Но мы всех отправляли к руководству. Сбежать никуда не собирались.

культура: В 70–80-е годы отношения с западными странами были не самыми простыми. В общении с зарубежными коллегами напряжение чувствовалось?

Зайцев: Больше проблем создавал языковой барьер. А в целом отношения были товарищескими. К тому же у нас не конкретный вид вроде хоккея или бокса. А в фигурном катании зрители больше реагируют на эстетическую составляющую. За нас болели по всему миру. Запомнилась одна немецкая поклонница. Видно было, что небогатая дама, но при этом ездила на многие турниры. Постоянно делала подарки и говорила теплые слова.

Невозможно забыть и Еву — финскую гражданку, ровесницу XX века. Однажды рассказывала: «Сижу дома, в центре Петербурга, накрыла стол, жду гостей. Но почему-то никто ко мне не идет. Потом начали под окнами кричать и стрелять. Это было 7 ноября, по новому стилю, 1917 года». Семья уехала в Финляндию, которая вскоре стала границей. Ева работала переводчицей ИСУ и всегда искренне старалась нам помочь.

культура: Переезд из Ленинграда в столицу в 1972-м дался тяжело?

Зайцев: Меня поселили на Песчаной улице около метро «Сокол» — в общежитии. Из дому выходил в семь. В такой час работала только одна пельменная на Соколе, и я там столько мяса в тесте съел, что в других заведениях на это блюдо смотреть не мог. Проблемы возникали и вечером. Вторая тренировка заканчивалась в десять. Выручал круглосуточный ресторан в здании Аэровокзала.

культура: А Ирина подкармливала?

Зайцев: Мы же часто ездили на сборы и соревнования, где питанием были обеспечены. Конечно, и Ирина заботилась. А еще больше — ее мама, моя будущая теща. Юлия Яковлевна — уникальный человек. Удивительно домашняя, хлебосольная. С виду хрупкая. Но прошла всю войну медсестрой, таскала с линии огня раненых мужиков вдвое крупнее себя. Когда впервые при мне надела мундир, я просто обомлел от количества орденов и медалей.

При разводе теща приняла сторону зятя и сказала мне: «Саша, это не та Ира, которую я за тебя выдавала замуж». Особенно она любила Шурика, нашего сына. И ее все обожали. На похороны пришел Институт педиатрии в полном составе. Даже когда мы с женой получили отдельную квартиру, бывало, в три часа ночи привозил друзей не домой, а к Юлии Яковлевне. Она всегда накрывала на стол, слушала наши анекдоты, в том числе и про тещу. Мой товарищ, знаменитый хоккеист Александр Мальцев не мог поверить, что такие отношения в семье возможны.

культура: Кем Вы в большей мере ощущаете себя, москвичом или ленинградцем?

Зайцев: С берегов Невы уехал в двадцать лет. Так что в Москве друзей и знакомых гораздо больше. Тем не менее Питер мне дорог. Я очень недоволен всеми переименованиями первой половины 90-х. Ведь предлагалось умное решение: назвать Санкт-Петербургом лишь центральную историческую часть, а все новостройки и рабочие окраины оставить Ленинградом. То же самое можно сказать и про Сталинград. Там на каждом стенде, плакате, памятке написано прежнее название, а не Волгоград...

культура: Почему по примеру многих коллег после завершения карьеры не переклонились на ледовые шоу?

Зайцев: Мне хватило. Накатался до тошноты. Но все-таки жалею, что ушел в чиновники, а не выбрал тренерскую стезю. В Спорткомитете же трудился замначальника управления зимних видов. Высшие спортивные руководители — вообще особая каста. Когда победили на Олимпиаде в Сочи, они праздновали громче всех. При первых же неудачах прятали головы в песок. Министерство спорта, дескать, отвечает за массовый и детский спорт, а ОКР и вовсе несет всего лишь представительские функции...

Пока не будет персональной ответственности, управленческие промахи не исчезнут. Тех же скандалов с допингом вполне можно было избежать. Надо уметь договариваться на международном уровне. А так много невиновных атлетов пострадало.

культура: По Вашему мнению, спортивными организациями должны руководить только прославленные в прошлом чемпионы, знающие ситуацию изнутри?

Зайцев: Трудно ответить однозначно. И великие личности могут наломать дров. Однажды Роднина жаловалась Тарасову на какого-то начальника, что тот «дуб дубом». Анатолий Владимирович ее успокоил: «Ирочка, дуб — ценная древесина». Нередко бывает, что и знаменитые атлеты абсолютно не готовы к организаторской деятельности. А вот Сергей Павлович Павлов как спортсмен успехов не добился, зато стал выдающимся функционером. Недавно ему заслуженно поставили памятник. Он умеет мыслить стратегически.

Есть что ВСПОМНИТЬ

155 ЛЕТ назад в эти дни был арестован, а затем препровожден в Петропавловскую крепость знаменитый русский критик и публицист Дмитрий Писарев — за статью-прокламацию под названием «О брошюре Шедо-Ферроти». В ней, в частности, говорилось: «Низвержение... Романовых и изменение политического и общественного строя составляет единственную цель и надежду всех честных граждан... Династия Романовых и петербургская бюрократия должны погибнуть. Их не спасут ни министры, подобные Валуеву, ни литераторы, подобные Шедо-Ферроти».

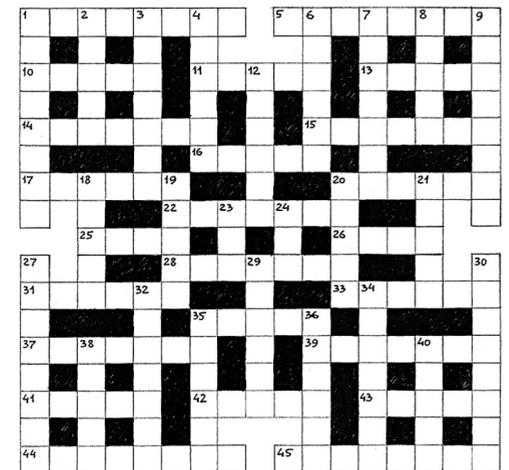
Поводом для призыва к свержению монархии послужила эпистола упомянутого «французского автора». В ней, по мнению Писарева, было проявлено неуважение к обретающемуся в Лондоне Александру Герцену.

Предыстория скандала проста: Герцен опубликовал в «Колоколе» открытое письмо к русскому послу в Лондоне — примерно следующего содержания; дошел до меня слух, что III отделение решилось «похитить меня или убить», так вы передайте Александру Николаевичу (то есть царю) — если, не дай Бог, с моей головы упадет хоть один волос, отвечать за сие будет именно он, российский монарх.

Публично реагировать на этот вздор русскому послу было не в руки, поэтому ответ Герцену написал чиновник министерства финансов Федор Фиркс (под псевдонимом Шедо-Ферроти). Обращение было едва ли не ласковым: милостивый государь Александр Иванович, вы, конечно, человек авторитетный, однако не настолько, чтобы кому-либо из властей предрезающих приспичило вас убивать; «неужели вы не поняли, какую смешную роль вы играете, выставляя самого себя каким-то колоссом, грозящим с того берега императору Александру II».

Трибун революционных демократов Писарев подобной насмешки над лондонским светочем вынести не смог... А царский режим решил: если наш пламенный трибун по столь ничтожному поводу Русь к топору зовет, то что сделается, когда гораздо более веская причина для недовольства возникнет? И тут же приняла вынужденные меры пенитенциарного характера. К слову, лучшие свои статьи Дмитрий Иванович написал именно в тюрьме. С пользой провел время.

Сергей ГРОМОВ

По горизонтали: 1. Российский литературовед. 5. Советский поэт («Разговор о главном», «День России», «Молодые люди»). 10. Французский художник-академик. 11. Вид гравюры на металле. 13. Одна из самых популярных в мире карточных игр. 14. Мифологическое существо. 15. Русская детская писательница («История России в сказках для детей»). 16. Картина Тициана. 17. Американский режиссер («Кто боится Вирджинии Вулф?», «Волки»). 20. Роман А. Амфитеатрова. 22. Лестный, положительный отзыв. 25. Остаток дегерящего ковра. 26. Парусный боевой корабль. 28. Месяц обязательного для мусульман поста. 31. Литературный персонаж, прославивший Ч. Диккенса. 33. Старинный плащ. 35. Инструмент гребца. 37. Ресторан в итальянском стиле. 39. Американская актриса («Звездный десант», «Голубая лагуна»). 41. Палка для телесного наказания. 42. Опера П. Маскани. 43. Плотная хлопковая ткань. 44. Фильм В. Огородникова с К. Кинчевым в главной роли. 45. Роль В. Этуша в фильме «31 июня».

По вертикали: 1. Грузинский советский поэт, лауреат Сталинской премии I степени. 2. Священная птица у древних римлян. 3. Степная рысь. 4. Персонаж романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита». 6. Постоянное диппредставительство. 7. Актриса Театра имени Ленсовета. 8. Шоколадный напиток. 9. Стихотворение Александра Пушкина из цикла «Песни западных славян». 12. Советский кинорежиссер («Женитьба Бальзамина»). 18. Житель Тихого Дона. 19. Английская писательница («Мисс Джин Броди в расцвете лет»). 20. Шейный платок или шарф. 21. Старинный польский полукафт. 23. Один из сыновей Ноя. 24. Древнегреческий сказитель народных песен. 27. Герой рассказов А. Чехова «Свадьба» и «Брак по расчету». 29. Российская актриса («Вам и не снилось», «Сказка странствий»). 30. Опера Р. Глиэра по восточному мотивам. 32. Персонаж романа В. Шмидова «Угрюм-река». 34. Выражение уважения в знак признания заслуг. 35. Восточнославянский племенной союз. 36. Художник-мультипликатор, лауреат Госпремии СССР («Тайна третьей планеты»). 38. Почетное звание. 40. Часть двигателя.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В №19
По горизонтали: 8. «Чума». 9. Фермуар. 10. Оцеп. 11. Глазурь. 12. Урсук. 14. Доватор. 19. Барило. 20. Оранта. 21. Росчерк. 22. Лещенко. 23. Сувары. 24. Халфина. 25. Фаблю. 27. «Накиль». 29. Вакцина. 33. Платина. 35. Гаврилла. 37. Укор. 38. Коломна. 39. Дви. **По вертикали:** 1. Булл. 2. Мадзини. 3. Реджо. 4. Амплуа. 5. Капуро. 6. Робуста. 7. Петя. 13. Марциал. 14. Дорожок. 15. Василек. 16. Трезини. 17. «Фоксан». 18. Оторопь. 26. «Лаутары». 28. Копридж. 30. Адамов. 31. Цензор. 32. Негина. 34. Люкс. 36. Леви.

В следующем
номере:

Почему россияне отказались
от высоких целей?
Наши эксперты анализируют результаты
недавнего опроса ВЦИОМ

